

ЛАЙЗА ФОКС

18+

СЕМЬЯ
СПЕЦИАЛЬНОГО
НАЗНАЧЕНИЯ

Парни из спецназа

Лайза Фокс

Семья специального назначения

«Автор»

2026

Фокс Л.

Семья специального назначения / Л. Фокс — «Автор»,
2026 — (Парни из спецназа)

Я жила в аду, пока не появился Антон. Умный, сильный, честный. В его глазах я та, которой могла бы стать, родившись в другой семье. Весь мир против нас: родители, друзья, соседи. Но он за меня. Он сказал: Ты моя. – И я хочу верить! Но не могу бросить брата с родителями. А что, если Антон — единственный, кто способен помочь нам обоим? Если наши сердца сильнее рук?***Отдельная книга про бойца спецназа Антона Малинина (Беркута). Его можно встретить в романах "Любовь специального назначения" и "Специальное назначение любви". Читается отдельно. По времени на 10 лет раньше истории Никиты.

© Фокс Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация:	5
Я ждал этого пять лет	6
Безнадёга	9
Сам разберусь	12
Кусок позора	14
Ты мне не нравишься	17
Новая цель	20
По-человечески	23
Молния	26
Генеральша	29
Бисквит	32
Бабушка	36
Имитация семьи	39
Провожать не надо	42
Не цепляет	45
Витрина	48
Домой	50
На сладкое	53
Первый понедельник на гражданке	56
Выбор	58
П	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Семья специального назначения

Аннотация:

Как вы представляете трудную жизнь? Моя – это голод, пьяные разборки родителей и страх за младшего брата. В моём мире пахнет презрением и безнадёжностью.

Никто не мечтает со мной дружить. Никто не зовёт встречаться. А куда зовут, я не хожу сама, потому что там ещё хуже.

Так было каждый день, пока не вернулся Антон. Умный, сильный, честный. Сосед старше на пять лет, и в его глазах я та, которой могла бы стать, родившись в другой семье.

Весь мир против нас: родители, друзья, соседи. Но он за меня.

Он сказал: «Ты моя». И я хочу верить!

Но не могу бросить брата с родителями. А что, если Антон – единственный, кто способен помочь нам обоим? Если наши сердца сильнее рук?

Я ждал этого пять лет

Дембель встретил меня громким смехом, сигаретным дымом и шипением джин-тоники на лестничной клетке родной хрущёвки. Вот она, гражданка! Дождался! Друзья детства и вся жизнь спереди!

Меня распирало от весны, встречи с родными, дома. Своего места. Где тебя ждут, хлопают по плечу, смеются, вспоминают старые истории. Любят и говорят:

– Отдыхай, солдатик, ты заслужил.

И ты вяло, немного снисходительно отвечаешь:

– Офицер, между прочим. Ничё ты не понимаешь.

Данила и Стас ждали. Подливали. По плечу хлопали. Хохотали на весь подъезд.

– Гуляем, дембель! – Данила сиял, и его новая кожанка скрипела, как парадный ремень. – Отрываемся по полной! Для тебя всё, что хочешь: лучшие бары, клубы, девочек самых сочных найдём!

– Только не врывайся сразу, – Стас усмехнулся. От него пахло деньгами и уверенностью, которой у меня сейчас было ноль. – Тут всё поменялось, братан. Пока ты там учился да в армейку ходил, жизнь чуть подровнялась. Расслабься пока, осмотришься.

Я кивнул, затягиваясь. Радовался? Не то слово! Где-то под рёбрами сидела тягучая зависть. Друзья стали другими. Успели освоиться в жизни. Пристроиться.

А я остался пацаном с третьего этажа, только в армейских ботинках. Их успех был жирным пятном на моём дембельском счастье. Но я и не думал унывать.

– Да ему сейчас тёлку – и неделю из кровати не вылезать. Остальное потом! Кого вызвать? Лерчика или Кристину? Лерчик веселее и без тормозов. Крис шикарная, – вклинился Данил.

– Никого не надо. С девушкой я сам разберусь, – пробурчал я. Просто чтобы что-то сказать. Чтобы не чувствовать себя приложением к их устроенной жизни.

Они засмеялись, снова хлопая меня по плечам и чокаясь джин-тоником. Мы не сдерживали веселья. Но стук входной двери я услышал чётко.

Потом шаги. Медленные, тихие.

Я обернулся. И всё.

Весь этот хваленый отрыв по полной, с клубами и сочными девчонками смело моментально одним взглядом. За секунду.

Она поднималась по лестнице, прямо держа спину и не сгибаясь под тяжестью двух огромных пакетов. Высокая. Тонкая, как пруттик. Лицо – бледное пятно в полумраке. Волосы тёмной волной по плечам.

Соседка. Настя? Ей, блин, когда я уезжал, двенадцать, что ли, было. Вечно испуганная тень. Прошмыгнёт мимо с крысиными косичками, и всё. А сейчас выросла.

Она ступала тихо. Старалась стать незаметной и не привлекать внимание. Хотела проскользнуть мимо, но качнулась под тяжестью пакета в шаге от меня и едва не упала.

Я бросил окуроч, даже не думая. Просто тело среагировало раньше мозга. Сделал шаг. Протянул руку.

– Дай сюда.

Потянул пакет. Он был чудовищно тяжёлым. Что она там тащила, кирпичи? Она вздрогнула, подняла глаза. Зелёные, огромные. Недетские. В них – не испуг даже. Боль.

– О-о-о! – Данилин возглас прозвучал как выстрел. – Антоха, да ты быстрый! С места в карьер!

– Брось, Малинин! – Стас заржал, и этот звук стеганул по нервам. – Эту брось. Ты что, не узнал? Это ж Настька. Сиротина. С пятого. К ним весь квартал похмеляться ходит, и не только за этим. Там всегда дверь нараспашку! Клейма негде ставить!

Воздух перестал поступать в лёгкие. К горлу подкатил ком. Я видел, как Настя замерла. Не заплакала, не убежала. Поставила второй пакет на пол. Медленно, словно готовясь к прыжку, повернула голову.

Глянула на Стаса.

Её взгляд.

Я не знал, что такие бывают у девочек. Видел такие у солдат, загнанных в угол. Безжалостные. Готовые на всё.

– А ты заходил? Проверял? – Её голос был тихим, хриловатым. И от этого – в тысячу раз страшнее.

Стас, здоровенный бык, попятился. Качнулся, словно от удара. Запнулся:

– Я... Да я так... Все говорят!

Во мне что-то треснуло. Не щёлкнуло, а сорвалось с цепи. Мои слова вырвались резко, как команда.

– И не заходи. Она твоя? – Ткнул пальцем в Данилу. – Или твоя? Нет. Значит, и рты закрыть. Понятно?

Тишина. На меня смотрели как на психа. Я сам на себя так смотрел. Но было уже всё равно.

Друзья растерянно кивнули. И я кивнул в ответ, словно принимая их капитуляцию.

– Веди давай, – бросил Насте.

Подхватил второй пакет и пропустил девушку вперёд. Она прошмыгнула, кутаясь в старенький застиранный пуховик. Смотрела на меня испуганно. А я на неё не смотрел. Делал вид, что не больно-то и надо.

Довёл до деревянной поцарапанной двери на пятом. Той самой, откуда тянуло тоской и безысходностью. Настя никак не могла попасть дрожащим ключом в замок. Справилась.

Дверь приоткрыла только чуть-чуть. Внутри не пригласила. Забрала пакеты, кивнула.

– Спасибо, – не поднимая глаз, прошептала она.

– Не за что, – буркнул я, придерживая дверь.

Она шагнула за порог. Дверь начала закрываться, но я подставил ногу. Я даже не подумал. Не знаю зачем!

Инстинкт сработал.

И у неё тоже. Она замерла. Обернулась. Подняла на меня глаза, полные зарождающегося страха.

Я наклонился. И сказал. Шёпотом. Но так, чтобы запомнила.

– Ты моя. Ясно?

Разжал пальцы.

Но перед тем, как захлопнуть дверь, она качнула головой.

– Ты не понимаешь. Они...

– Просто запомни. Остальное я улажу, – ответил твёрдо, как испуганному новобранцу.

Настя поджала губы и скрылась за дверью. Спряталась.

От меня не спрячешься!

Пока спускался на третий, принял решение. Данила и Стас молчали. Веселье кончилось. Дембель, которого я так ждал, завершился, не успев начаться.

– Пацаны, я это, не поеду с вами сегодня, – сказал я, и голос прозвучал как чужой.

– Серьёзно? Из-за этой... – начал Стас.

– Давай не на эту тему? – перебил я, не давая договорить.

Взгляд у меня, наверное, был ещё тот. Стас сдался, махнул рукой.

Мы ещё немного покурили на площадке и попрощались.

Я зашёл в квартиру, прижался лбом к холодной двери. Сердце колотилось, как после марш-броска. В ушах стоял её хриплый шёпот: «А ты проверял?»

И этот её взгляд.

Я пять лет мечтал о возвращении. Пока жил в общежитии универа, ещё не так тянуло обратно. А в армейке – хоть вой. Видел день, когда вернусь домой.

Дождлся!

Думал об отрыве, а вошла она. Получите и распишитесь!

Же-е-е-есть! Жизнь!

Безнадёга

Ручки пакетов врезались в пальцы. Перехватиться было невозможно, да и смысл? В другой руке ровно столько же. Кисломолочка, хлеб, растительное масло, дешёвые крупы. То, что нельзя продать, но на чём можно жить.

Каждый шаг был с расчётом: пройти тише, не встретить никого, особенно – их. Вечером они могли быть уже пьяными, а мать в таком состоянии либо плакала, либо искала, на ком сорваться.

Но проблемы начались гораздо раньше. В подъезде. Смех, громкие голоса, запах сигарет и алкоголя. Опасность! На лестничной клетке между вторым и третьим курили парни, про которых все говорили, что они «устроились».

Данила и Стас. Они учились старше и всегда смотрели на меня как на протухшее яйцо, в которое наступили не глядя. А ещё они крутились с Рылиным. Были в его свите, хотя к нам и не заходили.

Я вжала голову в плечи. Только бы проскочить. Только бы не заметили. Ступала мягко, тихо, раскачивала пакеты так, чтобы они меня тянули вперёд. Помогали весом. Но удержать не смогла.

Пакет хрустнул. Парень, стоящий спиной, обернулся.

Крепкий, высокий, другой.

Не из их компании. Того же возраста. Высокий, с короткостриженными волосами, в тёплом свитере без куртки. Сосед? Знакомое лицо. Антон? Не может быть! Он уехал, когда мне было лет десять! Неужели вернулся? Зачем?

Я его почти не помнила. С такой разницей в возрасте Антон мне казался взрослым дядькой. Смутно помню, что проходил мимо. Буркнет «привет», и снова убегает то на учёбу, то на тренировку.

А сейчас шагнул в мою сторону, и я внутренне завопила: «Ну зачем?»

– Дай сюда, – сказал он.

Не предложил. Почти приказал. Взял пакет так легко, будто там были перья.

У меня внутри что-то дрогнуло. Почти порвалось. Я подняла глаза и утонула. Он смотрел на меня не так. Совсем не так. Будто видел не мой потрёпанный пуховик со сломанной молнией и испуг, а что-то за ними. Меня.

Жаром обдало лицо. Стыд сжал внутренности в тугой узел. Даже дышать стало больно.

А потом – с размахом по лицу. Словно кованым сапогом.

– Антоха, да ты быстрый! – заголосил Данила.

А Стас, этот бык, засмеялся таким вальяжно-презрительным смехом, от которого подкачала тошнота.

– Брось, Малинин! Эту брось. Ты что, не узнал? Это ж Настька. Сиротина. С пятого. К ним весь квартал похмеляться ходит, и не только за этим. Там всегда дверь нараспашку! Клейма негде ставить!

Моя фамилия повисла в воздухе, как облако едкого смрада от горячей крыши. У меня свело желудок. В другое время я бы прошла мимо, но то, что Стас издевался надо мной перед Антоном, было невыносимо.

Внутри у меня рвануло все предохранители разом. Стало так пронзительно больно, что я поняла, как себя ощущают идущие до конца. Медленно, чтобы хоть немного сбить ярость, поставила второй пакет на пол.

Посмотрела в сытую морду Стаса. Увидела его самодовольную ухмылку. Презрение ко мне. Высокомерие с заносчивостью: смешать, но не взбалтывать.

Он ударил по самому больному. Унизил как девушку. И хуже всего, что это слышал Антон. Да я готова была сквозь землю провалиться, лишь бы не было этой встречи, слов, позора.

Всё внутри заledenело, превратилось в глыбу ранивших холодных осколков. И я тихо, но так, чтобы слышали все, ответила:

– А ты заходил? Проверял?

Он опешил. Отступил. Замычал что-то про «все говорят». А у меня внутри всё горело, словно растоптали мою душу. Я не могла посмотреть в глаза Антону. Сгорела бы со стыда.

А он ответил. Отбрил так резко, что я не поверила. Тихо. Но от его слов, ровных и тяжёлых, как удары, сжался не только Стас, а, кажется, весь подъезд.

Я не могла вообразить, что кто-то ради меня скажет хоть пару добрых слов, а он заступился. Защитил меня.

Наступила тишина. Они смотрели на него как на сумасшедшего. Я смотрела на него и знала: это останется со мной навсегда. Этот миг. Этот взгляд. А потом – ничего. Потому что лучше уже не будет.

Приказал:

– Веди давай.

Дальше всё было как в тумане. Он нёс пакеты, а я механически шла вверх, чувствуя его за спиной. Не помню, как мы поднялись на пятый, но руки дрожали так, что я не могла открыть квартиру.

Мне было стыдно за всё: за одежду, за то, как меня называл Стас, за старую дверь квартиры. Унижение в присутствии Антона. А ещё был страх, что сейчас кто-то услышит моё копошение и откроет дверь с той стороны.

Пожалуйста! Только не это!

Ключ нырнул в замочную скважину. Оборот, ещё один, и дверь открылась!

Я благодарила Антона за всё разом. И за то, что он не поверил друзьям и заступился. Что донёс эти проклятые пакеты. Просто была счастлива, что это может закончиться малой кровью.

Я шагнула за порог. Шагнула в своё спасительное уродливое жилище. Поставила пакет и начала закрывать дверь. А он вставил ногу в дверной проём, придержал. Выдохнул, словно выстрелил в упор:

– Ты моя. Ясно?

И у меня перед глазами встали глумящиеся Стас с Данилой, пьяные родители, Рылин. Этого не будет никогда! Антон и близко не подойдёт к моей жизни. А если и заглянет в неё на секундочку, умрёт от удушливого смрада.

Он просто не понимал, во что ввязывается!

Мои губы шепнули сами:

– Ты не понимаешь. Они...

– Просто запомни. Остальное я улажу.

Он убрал ногу. Я захлопнула дверь и прислонилась к ней спиной, словно старалась усилить замок. Сердце билось так, будто хотело выпрыгнуть. В ушах гудело. «Ты моя. Ясно?»

За дверью раздались шаги, потом споры. Я выглянула из-за шторы на кухне во двор, но и там Антона не увидела. Перед подъездом стояли его друзья. Стас поднял голову к моим окнам, и я едва не упала от ненависти в его взгляде.

Меня штормило. Было ощущение, что в нашу прокуренную вонючую жизнь ворвался свежий ветер. Он распахнул окна настежь и задрал моё платье до самых ушей. А потом назвал меня своей.

Я прижала ладони к лицу. От них пахло его табаком и морозом. Я вдохнула этот запах и на секунду, всего на секунду, позволила себе поверить в сказку. А потом открыла глаза от хриплого:

– Насть! Ты где шлялась? Водки принесла?

Сам разберусь

Я спускался по лестнице, пытаюсь уловить Настин запах на пальцах. Они помнили ткань её рукава. Тонкую, дешёвую, застиранную. И то, как она вздрогнула, когда я коснулся.

Когда за ней захлопнулась дверь, у меня внутри что-то перевернулось и встало на место. Как будто там всё время был пустой паз. Тяжело, основательно, как магазин в автомат.

До фиксации. До щелчка.

Данила и Стас ждали внизу. Стас смотрел волком, Данила – с сожалением. Я почти не слышал их. Когда курил, говорил с друзьями, представлял её глаза. Они смотрели на меня резко, негибаемо. Искренне!

И ещё как-то... Без надежды, что ли? С пониманием полнейшей безысходности. Что-то там было ещё. Страх? Нет. Наглость? Тоже мимо. Что-то острое и железобетонное.

Одиночество!

Тотальное, мощное и непоколебимое.

Не то, от которого лечатся алкоголем или прыгают в постель к первому встречному. Не бытовое, которого в каждом подъезде полно. А тотальное, выжженное, как после долгой осады. Я видел такие глаза у солдат, которых травили сослуживцы. У отчаявшихся, но не сломленных.

А тут – девчонка. Восемнадцать лет.

Но какая! Роскошные волосы. Высокая, стройная, с достоинством. Я хотел бы почувствовать её запах. Поднёс к лицу пальцы, которыми держал её за рукав. Но, кроме сигаретного дыма, ничего не почувствовал.

Хотя уверен, что она пахнет морозом, чистотой и сексом!

Я раздавил окурочек подошвой, крутанулся на пятках и зашёл в квартиру.

– Руки мой! – крикнула мать из кухни.

Она стояла у плиты, помешивая борщ. Спина напряжена. Я знал эту спину: сейчас начнётся.

– Чего не поехал с ними? – спросила она, не оборачиваясь. – Поссорились?

– Нет. Просто устал.

Она налила полную тарелку. Поставила передо мной, села напротив, сложила руки на столе. Смотрела, как я ем. Раньше меня это бесило. Сейчас я просто жевал и ждал.

– Ешь давай. Отощал совсем.

– Себе налей. Что ты голодная сидишь?

– Какой заботливый стал. – В голосе не было тепла. – Что дальше делать будешь?

– Выплюсь. Осмотрюсь. Работу найду.

– Какую?

– По специальности.

– Куда? Куда ты устроишься?

– Мам, да я ещё не смотрел. Попробую по специальности. На проспекте вывеска юридической конторы. Попробую туда.

– Ку-у-у-уда? – Она подалась вперёд. – Думаешь, они тебя с распростёртыми ждут?

– В полицию пойду. Без работы не останусь.

– А платят там сколько? Копейки?

Хорошо, что не стала про отца напоминать, и как одна тянула меня все эти годы. Пять лет прошло – ничего не изменилось. И от этого стало душно и тошно. Даже вспомнил, почему уехал учиться в другой город.

– Мам. Я сам разберусь.

Она не услышала. Или не захотела слышать.

– Ты с ребятами поговори. Со Стасом, с Данилой. Они пристроились хорошо, у известного бизнесмена. Таню встретила, маму Данилы, говорит – квартиру скоро брать будут. Пусть за тебя слово замолвят.

– Их квартира на железке уже пять лет в очереди стоит. И Таня твоя врёт.

– А ты не груби!

– Я не грублю. Я говорю: сам разберусь.

Она замолчала. Смотрела на меня в упор, и в её взгляде было всё: страх, что я повторю путь отца, обида, что я не слушаюсь, и эта вечная выматывающая надежда, что я вдруг стану «нормальным».

Я доел борщ за три минуты. Встал, унося тарелку в раковину.

– Спасибо, мам. Было вкусно.

– Антон.

Я обернулся.

– Не связывайся с этой... С пятого. – Она отвела взгляд. – Слышишь? Ничего хорошего там не будет.

У меня внутри что-то дёрнулось. Резко, горячо. Словно ударили по живому.

– Я ни с кем не связываюсь. Я просто помог донести пакеты.

– Помог он. – Мать поджала губы. – Знаю я эту помощь. Стоит такой помочь, потом не отвяжешься. А там не квартира, а притон с одной бедой на всех.

– Мам, откуда ты...

Договорить я не успел.

Сверху, с пятого этажа, донёсся глухой удар. Потом ещё один. Женский крик, визгливый, пьяный. И тяжёлый, злой мужской голос, который перекрывал всё.

– Вот, полюбуйся! Алкаши опять буянят! – мать всплеснула руками. – Надоели хуже смерти! Каждый день одно и то же, полицию вызывать бесполезно, они приедут, эти наорутся и спят.

Я уже не слушал.

Выскочил в коридор, натянул ботинки. Куртку брать не стал – некогда.

– Ты куда? – Мать встала у двери, раскинув руки. Глаза бешеные, голос срывается. – К этой пьяни? Не пущу!

Кусок позора

Я знала, что это случится.

Это случалось каждый вечер, когда отец приходил пьяным. Распознавала по его голосу, по тому, как он швырял ботинки в коридоре, по тяжёлой поступи и шороху прижатого к стене тела.

Знала – и ничего не могла сделать.

Теперь оставалось стоять в комнате, прижав дверь с внутренней стороны, и ждать, когда это всё закончится. Сегодня.

Сейчас отец искал, к чему доколебаться. И когда завизжала мать, я поняла, что он нашёл.

Всё всегда начиналось одинаково. Она кричала. Глупая. Его это злило ещё сильнее. Потом начинался бесплатный концерт с повреждениями разной степени тяжести.

Удар. Ещё удар. Я закрыла глаза.

Главное – сбросить Севку. Они взрослые. Они сами выбрали этот путь. А он – нет. Он ребёнок, про которого они сейчас не помнят. Только про водку.

Снова крики и звуки потасовки.

Скоро. Скоро он устанет. Скоро она замолчит. Скоро всё кончится.

– Шлюха! Урою! – ревел отец.

Я вжалась всем телом в дверь. Холодную, обшарпанную, со следами топора и скотчем поверх дыр. Зажмурилась.

Звуки драки и крики с оскорблениями переместились в коридор. Я напряглась сильнее. Если будут ломиться, надо упираться всем весом. Очередная щеколда не справится.

– А-а-а-а! Урод! Всю жизнь мне испортил, гнида! – орала мать.

А я метнула взгляд на Севку, который сжался на матрасе, и приготовилась защищать его до конца.

Осталось немного. Они должны устать и помириться. Только бы побыстрее. Только бы не стали ломиться к нам. Мне уже не было стыдно перед соседями.

Только мысль, что это слышит и Антон, не давала покоя. Я мотнула головой, прогоняя никому не нужный стыд. Не до него сейчас. Выжить. Защитить Севку. Остальное – пофиг уже!

Я молила о тишине, но сегодня всё было против меня. Крики с оскорблениями стали громче, а потом голос отца стал глухим, отдалённым.

– Настька! Помоги! – завопила мать.

Я резко навалилась на дверь, сдвинула шпингалет и выскочила в коридор. Кинулась к выходу. Матери удалось вытолкнуть отца на лестничную клетку, но запереть квартиру она не успела.

Он колотил по двери с той стороны руками и ногами. Мать держала оборону. Так он устанет быстрее и сядет на пол. Мы его затащим и положим спать!

Отлично! Я навалилась плечом выше замка. И, улучив момент между ударами, резко толкнула дверь. Она захлопнулась. Замок щёлкнул и отгородил нас от орущего на весь дом отца:

– Шлюхи! Шлю...

Голос отца внезапно оборвался. Наступила тишина. Мы переглянулись с матерью. Она одёрнула перекошенный фланелевый халат и пожала плечами. Я выглянула в глазок и едва не застонала от разочарования.

Закрыла глаза. Прижалась лбом к ободранной дерматиновой обивке. Стало холодно и стыдно одновременно.

Я открыла глаза.

За дверью стоял ОН.

Антон.

Без куртки, в ботинках на босу ногу, с бешеными глазами. Он держал отца за руку – просто держал, но отец не мог вырваться. Извивался, пытаясь выкрутиться из захвата, но ничего не мог сделать.

Щёлкнула замком и открыла дверь. Антон глянул на меня оценивающе и вернулся взглядом к отцу.

– Отпусти-и-и-и, – сипел мой родитель. – Больно же!

Антон и не думал выполнять его просьбу.

– Успокойся – отпущу, – негромко, но очень чётко ответил Малинин.

Отец постарался лягнуть его ногой, двинуть свободной рукой. Но Антон усилил захват, и родитель взвыл и лягнулся, заорал, попытался ударить левой. Антон ушёл, выкрутил руку, и отец рухнул на колени.

Я смотрела и не верила.

Он был здесь.

Зачем он пришёл? Почему увидел весь этот кошмар?

Отец притих.

– Успокоился? – спросил Антон.

Отец плюнул ему под ноги. Антон никак не ответил. Держал отца за вывернутую руку и ждал. На меня не смотрел. Да и зачем ему? Он всё видел. И старые треники с вытянутыми коленками, и вылинявшую футболку.

Отец с матерью были не лучше: с помятыми лицами и всклокоченными волосами.

– Теперь успокоился?

Антон повернулся в мою сторону, и внутри меня всё оборвалось. В его глазах не было ни жалости, ни брезгливости. Это был взгляд решительного человека, которому я мало что могла противопоставить.

Отец шевельнулся.

– Хорош уже! Отпусти! – просипел отец куда-то в живот.

– Драться будешь?

– Не буду!

– Смотри у меня.

Антон выпустил руку отца. Тот попытался встать, но у него не получилось. Я кинулась помочь, но отец зло оттолкнул мою руку.

– Пошла вон!

Я выпрямилась с ощущением, что меня ударили по лицу грязной тряпкой. Мать встревать не стала. Шагнула вглубь квартиры, пропуская отца. Он двинулся к ней на четвереньках.

Антон прикоснулся к моему запястью, но я отстранилась.

– Пойдём.

Я мотнула головой. Не надо всего этого.

– Настя. Пойдём, – настаивал он.

Антон протянул руку. Я смотрела на его ладонь. Большую, тёплую, с мозолями. Руку, которая только что держала моего отца, как нашкодившего щенка.

И так захотелось прикоснуться, что заломило под ложечкой.

Но я знала, что будет дальше. Он уйдёт. А отец, когда очухается, отомстит. Мне. Или матери. Или даже обеим. Потому что такие, как он, не прощают унижения. Он злопамятный. Он не простит.

– Ты не понимаешь, – выдохнула я. Голос сел совсем. – Они... он... когда уйдёшь, он ещё злее будет.

– Я не уйду.

У меня вырвался горький смешок.

– Уйдёшь. Все уходят.

Так было всегда. Все уходили. Все, кому я пыталась поверить. Учителя, которые говорили «приходи, поговорим», а потом забывали. Соседи, которые жалели, но проходили мимо. Друзья, которые перестали приглашать на дни рождения.

Он шагнул ближе. Взял меня за руку.

Я уже замёрзла на лестничной клетке. Его горячие пальцы обожгли запястье. Я вздрогнула, и по руке побежали мурашки.

– Я. Не. Уйду, – сказал он раздельно. – Слышишь? Я здесь. Рядом. И не уйду.

И в этот момент во мне что-то треснуло.

Панцирь, который я растила годами. На котором было высечено огненным тавром: «Не верь, не надейся, не жди». Он треснул, и оттуда хлынуло такое, что я не смогла сдержать.

Слеза. Всего одна. Побежала по щеке, и я даже не стёрла её. Просто стояла и смотрела на него сквозь эту дурацкую слезу.

А потом снизу донеслись грохот закрывающейся двери и голос. Женский, визгливый, страшный в своей правоте:

– Антон! Антон, ты где? Господи, я полицию вызвала!

Я закрыла глаза.

Ну вот. Началось.

Меня окатило стыдом. Я вырвала руку и ринулась к дверям. За моей спиной раздались тяжёлые мужские шаги.

Ты мне не нравишься

– Антон!

Я не успела сбежать. Малинин преградил мне путь к двери.

Его мать вылетела на площадку. Увидела нас. Замерла. И я прочитала в её взгляде всё: страх за сына, ненависть ко мне, осуждение. Брезгливость!

– Ты... – выдохнула она и перевела взгляд на сына. – Ты дрался? Они же на тебя заявление накатают! Эти маргиналы жизнь ломают и не поморщатся!

Каждое слово било наотмашь.

Я не обижалась. Я понимала, что она права. Абсолютно права. Для их я была проблемой. Грязью под ногами. Дочь алкашей. Чучело в обносках, от которого у нормальных людей одни неприятности.

– Мам. Прекрати. Ты зачем здесь? Иди домой и полицию отмени. Всё уже нормально.

Антон постарался оттеснить мать снова на ступени, при этом не пустив меня в квартиру.

– Ты зачем сюда полез? Она тебе кто? Никто и звать никак! – не унималась родительница.

– С такими только зацепись – и не выплывешь!

– Мама, хватит. Я сам всё решу. Иди домой.

– Решит он...

Она хотела ещё что-то сказать, но не успела. Антон крепко взял её за рукав и повёл вниз. Мне бросил через плечо:

– Сейчас вернусь, договорим.

– Ты иди. Правда, иди. Я сама. Не надо... – попробовала возразить я.

Но Антон меня перебил:

– Надо! Поднимусь – постучу.

– Куда поднимешься? – растерялась его мать.

– Мам, я сам разберусь. Пойдём.

Он едва ли не поволок тётю Валу вниз по ступеням. Она метнула в меня такой взгляд, что, если бы им можно было убить, я не просто была бы мертва. Мой прах уже развеяли бы с самолёта.

– Спасибо, до свиданья. Возвращаться не надо.

Я улыбнулась и юркнула к обшарпанной двери. Потому что так надо. Потому что, если не улыбнуться, можно разреваться, а мне спасатели не нужны. Эта жизнь не для таких порядочных. Она для меня.

Реветь можно дома, когда Севка уснёт. А пока – спина прямая, твёрдый шаг. Я умела уходить красиво. Уходить. Натренировалась за эти годы.

Дверь открылась. Я зашла внутрь. Закрыла за собой. Щёлкнул замок. И только после этого я растаяла. Прижалась лбом к холодной двери и зажмурилась.

Вот и всё. Как всегда, одна. Боль от того, что всё это видел Антон, – невыносимая. Я стояла так – не знаю сколько. Секунду? Минуту? Вечность?

Дома было тихо. Все расползлись спать. А я не могла. Даже двинуться не получалось. Это стыдобеще высосало из меня все силы. Как бы я хотела стереть этот день из памяти. Из жизни.

Неожиданно в дверь постучали.

Я вздрогнула, но к замку руку протягивать не стала. Он скоро уйдёт.

Стук повторился.

– Настя, открой.

Его голос. Тихий. Спокойный.

Я не двинулась.

– Ты сказала – все уходят, – донеслось из-за тонкой двери. – Я не все. Я здесь. Я не уйду. Даже если ты не откроешь. Я буду здесь сидеть. На лестнице. И ждать. Сколько надо.

Я замерла.

Врёт. Сейчас постоит и уйдёт. Все так говорят.

Я посмотрела в глазок. Он стоял ровно напротив. Глядел на меня в упор. Заметив моё движение в глазке, повторил:

– Я не уйду, пока мы не поговорим. Выходи. Я жду.

Он кивнул и спустился на один пролёт. Сел на подоконник. Закурил. Смотрел на мою дверь.

Минуту. Пять. Десять.

Хлопали двери. Грохотали шаги. Он сидел, курил. И смотрел. Мы словно были связаны невидимой ниткой через дверной глазок. И это было что-то новое в моей жизни.

Затушив окуроч, он поставил одну ногу, согнутую в колене, на подоконник. Опёрся о неё рукой. Откинулся спиной на откос окна. В этой позе была такая готовность провести здесь ночь, что я не выдержала.

Открыла дверь. Совсем капельку.

Он среагировал моментально. Повернул голову. Встал на ноги. В три прыжка взлетел на лестничную клетку. Я приоткрыла дверь сильнее, но не вышла.

– Зачем ты пришёл?

Он посмотрел на меня. В его глазах не было ни капли сомнения.

– Потому что я сказал: ты моя. А свои не бросают. Свои помогают.

Я молчала. Долго. Очень долго. А потом сказала то, что должна была сказать:

– Помог? Спасибо. Теперь уходи.

Он не шевельнулся.

– Настя, нам надо поговорить. Впусти меня.

– Уходи, – повторила я. Голос дрогнул, но я продолжила говорить, упрямо качнув головой: – Ты видел, что тут? – Я мотнула головой назад, в квартиру. – Водка. Драки. Грязь. Отец храпит. Мать сейчас примет и тоже уснёт. Севка спит и видит кошмары. Это моя жизнь. Это мой дом. Мне некуда тебя звать. Понимаешь? НЕКУДА.

Он смотрел на меня. Молча.

Ждал.

А у меня внутри разлилось едким огнём сожаление, что вот он, стоит, красавчик. Высокий, подтянутый, с карими глазами. С таким хочется. Просто хочется, и всё!

И ему здесь определённо не место.

От обиды я поджала губы.

– Я не могу впустить тебя туда, – сказала я уже почти шёпотом. – Я никого к себе не могу пустить. Там ничего хорошего нет. Ты другой. Тебе здесь не место. Я тут всё время живу, и то задыхаюсь. Иди домой.

Он встал с подоконника. Подошёл к двери. Совсем близко. Разделяли нас только цепочка и несколько сантиметров воздуха.

– Открой, – упрямо сказал он.

– Нет.

– Открой, Настя.

– Ты не слышал, что я сказала? Там воняет! Там...

К горлу подкатил ком, глаза защипало.

– Открой, – перебил он. Спокойно. Твёрдо. – Я хочу зайти.

Я смотрела на него и не понимала.

– Ты дурак? – спросила я. – Чего ты хочешь? Там невозможно дышать!

– Ты там дышишь каждый день, – ответил он. – Значит, и я смогу.

У меня внутри всё оборвалось.

– Зачем? – выдохнула я.

– Затем, что ты там. Значит, и мне там место.

Я закрыла глаза. За что мне это? За что мне послали такого ненормального. Вот как его назвать? Спасателем? Дураком? Чудом? И ведь упрямый, не отстанет!

Я сняла цепочку, открыла дверь и отошла в сторону. Он перешагнул порог. Вошёл в коридор. Воздух пах потом, перегаром, бедой. Но Антон даже не поморщился.

Посмотрел на меня.

– Ну, – сказал он. – Я здесь. Ничего страшного не произошло. Я не рассыпался.

Я стояла и смотрела на него. На этого странного, невозможного человека, который только что добровольно вошёл на мою помойку. Я чувствовала себя голой. Никто и никогда добровольно сюда не входил. Полицейские, и то по вызову.

– Теперь доволен?

Мне было так плохо, так стыдно, что казалось, меня раздирает изнутри. В тёмном коридоре с грязными, ободранными обоями, которые я помню ещё с сада, я чувствовала, что сливаюсь с этим убожеством.

Мне хотелось плакать. Рыдать в голос. А потом провалиться сквозь землю и больше не показываться людям на глаза. Ему не показываться.

Антон взял меня за руку своими тёплыми пальцами. Притянул ближе.

– Затем, что ты моя, – сказал он. – А у своих всё общее.

У меня в глазах закипали слёзы. Горло сдавил обруч, не дающий вздохнуть. А он не отступал. Аккуратно прижал меня к себе. Обнял. Сжал в кольцо своих сильных рук. Не грубо, но чувствительно.

Его словно вообще ничего не смущало. Ни грязь, ни убожество, ни запах перегара его не волновали. Он смотрел на меня как на сокровище.

– Я здесь, – повторил он. – Теперь я здесь. С тобой.

Но вместо того, чтобы растаять от человеческого тепла и внимания, я поняла, что ему здесь не место. Он другой. Будет стараться помочь, а тут ничего нельзя сделать. Севку мне не отдадут, а его одного я в этом гадюшнике не оставляю.

И нельзя было даже на минуту позволить себе привыкнуть. Поверить, что у меня и у него может быть хоть что-то общее. С хорошим, добрым финалом. С пресловутым «долго и счастливо».

Это у него вся жизнь спереди, как говорили его друзья. А мне ещё восемь лет тянуть Севку. Целую вечность. Поэтому я осторожно отстранилась. Посмотрела прямо в его невероятные, почти чёрные глаза и сказала:

– Всё. Я сделала всё, как ты хотел. Теперь уходи. И больше никогда сюда не поднимайся. Ты. Мне. Не нравишься.

Я открыла дверь.

– Настя...

– Уходи. Мне нравится другой парень. Ты – не нравишься. Я спать хочу.

Антон пытался заглянуть мне в глаза, но я больше на него не смотрела. Кивнула ему за спину, указывая дорогу.

Он молча вышел на лестничную клетку. Меня не касался. Но не как зачумлённую, а чтобы не задеть случайно. И прямо перед тем, как щёлкнул замок, я услышала:

– Спокойной ночи. Я не прощаюсь.

Новая цель

Алкоголь, выпитый с друзьями, окончательно испарился из моей крови, пока я скручивал отца Насти, а потом ждал её на подоконнике в подъезде. Холод и адреналин сделали своё дело.

От матери едва смог отбиться. Мне уже не семнадцать. Я сам жил эти пять лет без неё. Справлялся. Но ей не объяснишь. Она хочет, чтобы я сидел рядом, за руку держал, ни во что не вмешивался и при этом много зарабатывал. Ну бред же.

Ночью не спал. Ворочался в непривычной постели. Натягивал и сбрасывал одеяло, сминая подушку, вставал пить воду. Но дело было не в кровати. Перед глазами её взгляд, дрожащие пальцы, ключ, цокающий о замок.

И слова.

«А ты заходил? Проверял?» – и потом отчаянное: «Ты. Мне. Не нравишься». Ага. Плавали, знаем.

Как ей живётся, если она научилась так отвечать? Хотя... Теперь я точно знал как. Это был персональный ад на пятом этаже хрущёвской панельки. С пьяными родителями и братом, которого я помню ещё совсем клопом.

Я полез в интернет. И как тебя искать, Настя с пятого этажа. Город, фамилия. Долго искал, перебирая чужие лица. Нашёл полупустую страничку. Аватарка – котёнок. Дата рождения.

Восемнадцать исполнилось неделю назад. Жаль. Был бы повод сделать что-то приятное. Что ещё? Несколько старых фото, где она ещё смеётся, не отводит глаза от камеры.

Подруги? Они и сейчас ведут страницы. Но у Насти их признаков нет. Исчезли. Комментарии закрыты. Последняя запись – год назад: «Иногда мне кажется, что я невидимка. Но когда меня замечают, это ещё хуже. Всегда».

Я отложил телефон. В комнате было темно, только фонарь с улицы проникал слабыми отсветами сквозь голые ветви деревьев.

«...когда замечают, это ещё хуже...»

Я закрыл глаза и скрипнул зубами. Она так живёт. Высокая, тонкая, с непослушной копной волнистых волос по несгибаемым плечам. С зелёными яркими глазами, которым тысяча лет.

Вот мой дембель. Настоящий.

Пока я ехал домой, думал, что будет скучно. Хорошо, но без особенных впечатлений. Нет, друзья обещали бары-рестораны, но в самой жизни будет просто тоска смертная: поиск работы, а потом та же служба, только дома.

А тут без перехода – бам, и ОНА.

Перед глазами моментально появилась картинка. Настя, сжимающаяся от слов моей матери. Благодарность с вымученной улыбкой. И отчаяние, когда она меня посылала. Врала из последних сил.

Ты. Мне. Не нравишься.

Врала. Я видел, что врала. Глаза её выдали. Огромные зелёные озёра, в которых плескалась такая боль, что у меня самого всё сжималось внутри. А хотелось не разборок на лестничной клетке, а уложить её под себя, и потом...

Аж челюсти сводило от желания! Дембель, понятно. Но в армейке тоже были девушки, а такого волчьего голода к ним не было. Эту хотелось хватать и раздевать прямо на месте. А лучше уволочь в кровать и больше не отпускать.

Эти глаза. Эти губы. И грудь под вылинявшей непонятного цвета футболкой. Едва сдерживая рычание, перевернулся на другой бок. На живот уже не лечь. Больно потому что. Вот же хрень!

В шесть утра я сдался. Мать ушла в семь, стараясь не разбудить. Я встал, умылся холодной водой, натянул ту же одежду, что и вчера. Вышел на лестничную клетку. Сел на подоконник. Закурил.

Смотрел на её дверь.

Пятый этаж. Дверь с облупившейся краской и номером «20». Тишина. Я сидел и ждал. Сам не знал чего. В восемь щёлкнул замок, и дверь скрипнула. Я вскинул голову.

Сначала на площадку вышел пацан. Лет десяти, наверное. Худой, лохматый, в слишком большой куртке. Явно с чужого плеча. Он натягивал на ходу шапку и поправлял сумку.

Всё молча. Без единого звука. Почему-то мне вспомнилось, что дети-отказники не плачут. Потому что им никто не приходит на помощь. Никогда. Этот тоже молчал.

За ним, глядя исключительно под ноги, шла Настя. Переставила через порог тяжёлый мусорный пакет. Зазвенела ключами. Увидела меня – и замерла на полушаге. В глазах мелькнуло что-то... Раздражение? Испуг? Усталость?

Я затушил сигарету и шагнул вверх по лестнице.

– Ты опять здесь? – спросила она. – Зачем?

Голос севший, хриплый. Спала плохо – это было видно по тёмным кругам под глазами.

– Ждал, – ответил я просто. – Вы куда?

– Не твоё дело.

Пацан уставился на меня настороженно. Тоже боялся, но как-то обречённо.

– Ты тот дядька, который вчера папку скрутил? – спросил он.

Я перевёл взгляд на Настю. Она прикусила губу.

– Севка, не ты, а вы. И не цепляйся к посторонним, – бросила она. И мне: – Иди отсюда. Некогда нам.

– Я провожу.

Она зыркнула зло, закрывая дверь на ключ.

– Сказала же: некогда. Иди.

Настя дёрнула брата за руку и подхватила пакет. Я взялся за него ниже. Она попробовала вырвать, а потом оттолкнула в мою сторону, отпустив. Пошла вниз, таща за собой брата. Кинула мне через плечо:

– Мусор можешь выбросить. Мы как раз опаздываем.

Я хмыкнул. Хорошая попытка от меня отделаться. Только зря я, что ли, в армейке маршброски бегал? Меня небольшим крюком до контейнеров не сбить со следа. Квартал просматривается насквозь.

– Я догоню.

Они припустили быстрее. Пацан оглядывался на меня через плечо, но Настя тянула его вперёд, сквозь зубы чеканя:

– Смотри под ноги! Быстрее!

На улице мы рванули в разные стороны. Пока бежал к мусорке, думал, что сегодня в Насте не так. Что-то резало глаз, но что именно выбивалось из нормального вида, сообразить не мог.

Одета вроде в те же пуховик и шапку. Волосы не покрасила, татуировка на лице не появилась. Но меня что-то корябало. Всё как обычно, но не то! Я пытался понять, пока огромными шагами бежал к контейнерам. Но не додумался.

Сиротины быстрым шагом топали к выходу из квартала по диагонали от меня. Оббегая детскую площадку, я нагнал их уже возле Дома творчества. Она распахнула дверь и втокнула внутрь брата, что-то прокричала и помахала рукой.

А потом повернулась в мою сторону, и я едва не застонал в голос. Пока она бежала, поправляла сумку брату, прикрывалась пакетом, я не мог понять, что не так с её одеждой. Сейчас я видел её катастрофу чётко.

Вчера я думал, что она расстегнула старенький пуховик в подъезде. Теперь мне хорошо были видны выломанные зубья пластиковой молнии. Полы она запахла внахлест, а сверху прижала обычным брючным ремнём.

– Что ты за мной таскаешься? Сказала же, ты мне не нравишься. Я тебе не дам. Чего тебе ещё надо?

Настя была злющая, как дикая кошка. И как та, готова была разодрать в клочья руку, которая пыталась достать её с обледеневшего дерева. И мне нравилась её попытка отстоять своё мнение.

И это был вызов, которого я не боялся.

– А ну-ка, пойдём со мной. Поговорить надо.

Она дёрнулась в противоположную сторону и поскользнулась на ступеньках. Я схватил её в охапку и на руках спустил на дорожку.

– Не дёргайся. А то не отпущу. И это не только про сейчас.

По-человечески

Вниз он меня донёс, но ставить не спешил.

Во мне смешались радость, что ничего себе не сломала, теплота от нечаянной близости и страх. Потому что он снова лез в мою жизнь. Не просто заглядывал, а ломился всеми четырьмя копытами.

– Отпусти меня! – я зашипела разъярённой кошкой.

– Ответ неверный, – совершенно спокойно ответил Антон.

Он держал меня, обхватив за талию. Судя по непрошибаемому взгляду, и не думал опускать на дорожку. Я повертела головой. Хотя во дворе Дома творчества не было сейчас людей, они могли появиться в любой момент.

– Отпусти сейчас же! Что за дикие привычки хватать людей руками? Ты откуда? Только с дерева слез? Вообще не соображаешь?

Он усмехнулся и, прищурившись, цокнул языком.

– А это уже оскорбление.

И снова даже не наклонился, чтобы приблизить мои ноги к земле. Я замолотила его кулаками по плечам. Но улыбка Антона становилась всё более самодовольной, а руки сжимались на талии ещё сильнее.

На окне первого этажа качнулась занавеска. И уже через несколько секунд к стеклу прижались любопытные детские физиономии. Я застонала от расстройства.

Мне ещё сплетен не хватало! Лучше, чтобы про меня не помнили. Но я знала: когда ко мне поворачиваются, это не к добру. Внимание всегда заканчивается плохо.

Мне надо было это срочно прекращать. Я начала извиваться, но только съехала ниже внутри распахнутого пуховика. Ещё немного, и я осталась бы в его руках раздетая. Причём на виду у всего Дома творчества.

Среди детских голов мелькнула рыжая. Сашка из соседнего подъезда? А-а-а-а! Мне конец! Его мать всем растрезвонит, что у меня появился мужик, и мы с ним тискались. Стыдобщице!

Я тихонько застонала.

– Антон, пожалуйста. Пусты меня. Пожалуйста!

Я не хотела давить на жалость, но голос дрогнул и прозвучал так просительно, словно я собиралась расплакаться. Антон спокойно поставил меня на дорожку. Но от себя не отпустил.

Зыркнул в сторону окна, взял под локоть и повёл за угол. Я сопротивлялась, упиралась пятками, но даже на мгновение не затормозила наше движение. Остановился Антон возле торцевой стены.

– Попросила по-человечески, получила так же. Давай на берегу договариваться: ты ведёшь себя прилично, я отвечаю тем же. Здесь окон нет, и от входа никто не увидит. Давай поговорим спокойно.

Я попыталась привести в порядок одежду. Расстегнула пояс. Развела полы пуховика и одёрнула тёплый свитер. Но дальше ничего не успела сделать. Подскочивший ко мне Антон туго замотал меня полами пуховика.

– Сдурела совсем? – Он вырвал из моих рук ремень и застегнул его так туго, что я и вдохнуть не могла. – В морозяку на улице разделась!

Мне стало обидно.

– Вообще-то это ты мне одежду всю разворошил! Не лез бы своими руками, я бы и не расстёгивалась.

– А ты ничего не перепутала? – Он снова прищурился и цокнул языком. – Ты же на ступеньках поскользнулась – и летела бы сейчас по ним к травматологу. Спасибо не хочешь сказать?

Он взял меня за плечи и удерживал так крепко, что я и двинуться не могла. Умом понимала, что Антон прав, но бесил он меня больше, чем любой другой человек. Как же он не вовремя со своим общением!

– И для чего ты меня спасал? Чтобы сейчас заморозить?

Антон моргнул, взял меня за локоть и повёл к выходу с территории Дома творчества.

– Тут виноват, прости. Пойдём в тепло. Там поговорим.

Я попыталась вырваться. Но даже на секунду не смогла освободить руку. Подумала, что сейчас мы выйдем на дорожку перед фасадом и будем выглядеть как парочка, выясняющая отношения.

Мне пришло в голову сменить тактику.

– Антон, отпусти меня. Я сама пойду, – а когда он перевёл на меня вопросительный взгляд, добавила: – Пожалуйста.

Он кивнул и тут же разжал пальцы. Мне пришлось идти рядом с его скоростью. Но было ощущение, что едва я заторможу, он сделает то же самое.

– Хорошо. Сейчас зайдём в ТЦ. Там в тепле и поговорим.

– Да о чём? О чём нам говорить-то? Мы уже всё выяснили. Ты мне не нравишься. Я с тобой встречаться не буду.

Антон пожал плечами.

– Это сейчас вообще неважно. У тебя проблема с одеждой.

Вот оно! Всегда одно и то же! Стало невыносимо больно и стыдно за свой вид. Обноски. Именно так говорили мои одноклассники в колледже. Я привыкла, что на меня показывают пальцем и смеются.

Смирись. Не реагировала.

Но сейчас слова Антона полоснули по живому. Мне показалось, что я получила удар по лицу. Хлёсткую пощёчину. Наотмашь, прилюдно, без жалости. И от этого моментально навернулись на глаза слёзы.

Я уже хотела ответить резко, но Антон, придерживавший мой локоть на повороте в ТЦ и тут же его отпустивший, продолжил совершенно спокойно:

– Надо найти, где можно починить молнию. Ты же ходишь нараспашку. Так и простыть недолго. Вон, видишь, снова снежок сыпал. Надо в тепло успеть, а то твой ремень ни от чего не защитит.

И снова – бах. Словно лицом приложилась об стену. Так он не издевался? Серьёзно? Речь не о презрении?

А-а-а-а! Точно! Жалость! И снова во мне поднялась волна ярости.

– А тебе какое дело? Иди мимо, я сама всё решу.

Он отрицательно качнул головой.

– Пока плохо решаешь. Вчера уже было сломано, сегодня ещё не починила. Так что теперь моя очередь принимать меры, чтобы тебя согреть. Будем искать мастерскую. В торговых центрах бывают.

Я даже остановилась от растерянности. Антон среагировал так же. Чтобы его не провоцировать хватать меня руками, я снова двинулась в сторону ТЦ. Но его поведение меня добило.

Теперь я молча шла рядом в состоянии растерянности. Обо мне никто не заботился уже много лет, и я забыла, как это. И совершенно не понимала, что мне теперь делать. Как реагировать?

Антон тоже не тратил слова зря. А в торговом центре сразу повёл меня к стойке информации. Милая девушка, посмотрев план в ноутбук, виновато улыбнулась:

– Да, есть швейная мастерская на третьем этаже. Но сегодня у них выходной, к сожалению. Приходите в понедельник, будем рады вам помочь.

Простые слова, а я расстроилась, словно мне сказали, что Нового года не будет. Это моя жизнь. Даже когда мне хотели помочь, выхода всё равно не было. Невезучая.

Перестав вслушиваться в разговор Антона с работницей ТЦ, которая рассматривала меня с любопытством, а соседу, не стесняясь, строила глазки, я горевала. Себя стало невероятно жалко. Почти до слёз.

Вернулась в реальность, когда Антон ответил:

– ...на втором, рядом с парикмахерской. Я понял, спасибо, – повернулся ко мне и кивнул в сторону эскалатора. – Пойдём.

– Куда? – растерялась я.

– Сейчас всё объясню. Только сначала мне надо сделать звонок очень важному человеку.

Молния

Настя была совершенно перепуганной, но молчала. Согласившись идти со мной, она больше не скандалила и не сопротивлялась. Словно выключила внутренний тумблер и подчинилась. Надолго ли?

Хотя и такой она мне очень нравилась.

На двери магазина с фурнитурой висел листок «перерыв 30 минут». Настя одновременно распахнула глаза и рот, чтобы начать со мной прощаться, но у меня был запасной план. Поэтому я взял её за локоть и повёл к боковому выходу.

Рынок встретил нас гомоном, толкучкой и запахом дешёвого пластика. Настя шла рядом, вжав голову в плечи, и старалась не смотреть по сторонам. Я видел, как она сжималась каждый раз, когда кто-то задевал её плечом.

Чтобы как-то её успокоить, начал говорить о простом.

– Десятый ряд, – сказал я, беря её за руку. – Там фурнитура.

Она дёрнулась, но руку не отняла. Только спросила тихо:

– А вшивать где? Воскресенье. У всех выходной.

– Я договорился. Тебе вошьют.

Она поджала губы и повела плечом, стараясь освободиться от моей ладони. Я промолчал и потянул её дальше. Она почти не упиралась. Ей не нравилось, что я командую, но в людской толчее спорить она не собиралась. Вдруг кто увидит?

Бабушка объяснила толково, и мы быстро нашли нужный прилавок с фурнитурой. Продавицей была молоденькая девушка Настиного возраста. Фигуристая и вертлявая.

– Нам молния нужна, – сказал я. – Крепкая, вот для этого пуховика.

Девушка скользнула взглядом по Насте – и сразу отвела глаза. Как будто той не существовало. Со мной заговорила приветливо, даже слишком. Выложила несколько молний, показала, какую лучше брать. На Настю больше не смотрела. Вообще.

Я выбрал самую крепкую, в цвет пуховика. Девушка улыбалась и строила глазки. Бесила, одним словом. Предлагала другие варианты застёжек, растягивая время. Я спешно расплатился и повёл Настю на выход.

Когда мы отошли, она тихо сказала:

– Ты ей понравился.

– Ей все нравятся, – ответил я, лавируя между людьми.

– Она на меня даже не посмотрела. Я для неё пустое место.

– Это её проблемы, – ответил я. – Не твои.

– Легко тебе говорить.

Я остановился. Развернул её к себе.

– Настя. Смотреть надо на тех, кто на тебя смотрит. А кто не смотрит, на них нет смысла обращать внимание. Поняла?

Она поджала губы.

– Так я на тебя не смотрю.

Я хмыкнул. Видали мы таких.

– Это временно. Ты пока меня не разглядела. А потом будешь смотреть.

Я распахнул дверь рынка и вывел её на улицу. Настя тут же скинула мою руку со своей. Я взялся обратно.

– Меня нельзя отталкивать. Я упрямый.

Она поджала губы и качнула головой так, что пушистая шапка съехала набок.

– Куда теперь? – спросила она.

– К бабушке. Она пришёт.

Настя встала как вкопанная. Мне пришлось вернуться на шаг и оттеснить её к краю плохо вычищенной дорожки, чтобы не мешать прохожим. Зелёные глазищи стали огромными. И губы приоткрылись.

Маняще.

Вот хрень!

– К какой бабушке?

– К моей.

– Я не пойду!

Она решительно замотала головой и выставила вперёд руку, словно защищаясь от меня. И это раскалило предохранители. Захотелось прижать её прямо посреди дороги и целовать до стонов, задирая этот пуховик до подбородка.

Свою куртку я одёрнул посильнее. На это она не обратила внимания. И я продолжал разговаривать, делая вид, что у меня к ней только исследовательский интерес. А что оставалось с такой пугливой?

– Почему не пойдёшь?

– Да потому что! – Она дёрнулась, пытаясь вырвать руку. – Меня не надо приводить домой. Таких не водят. И с родственниками не знакомят. Твоя мать меня уже видела. Теперь бабушка будет смотреть и... и...

– И что?

– И думать, что я... Ну... Что ты... – Она запнулась, не в силах подобрать слова, а потом полоснула взглядом и выпалила: – Что я твоя... Ну... Девушка лёгкого поведения!

Я расхохотался. А потом продолжил так серьёзно, словно инструктировал солдат-новобранцев:

– Так моя или лёгкого поведения? В одном предложении это у меня стоять не может.

Она дёрнула головой.

– Ты же знаешь, из какой я семьи! Она будет думать, что я к тебе пришла за деньгами! Что я пользуюсь!

– Так, – сказал я. – Стоп.

Она замолчала, тяжело дыша.

– Ты моя девушка? – спросил я.

– Нет!

– Ты девушка лёгкого поведения?

– Совсем сдурел? Нет, конечно же!

– Ты пришла ко мне за деньгами?

– Нет!

– Ты пользуешься?

– Нет!

– Вот и отлично. Значит, бабушка увидит девушку, у которой сломана молния. И которую привёл её внук, чтобы эту молнию починить. Всё остальное – у тебя в голове.

Я аккуратно прикоснулся пальцем к её лбу. Она смотрела на меня. В глазах мелькнула растерянность. И снова приоткрылись розовые губки без помады или блеска. И захотелось так, что я едва мог сдержаться.

Между нами проскакивали молнии. Меня прошивали насквозь, не оставляя ни единого шанса. Но её нельзя было пугать. Ей и так доставалось каждый день. И теперь было невозможно поверить другому человеку.

А я не другой! Я – это я!

– Пойдём, – сказал я, стараясь говорить мягко и успокаивающе. – Холодно. Если замёрзнешь – заболеешь, а мне потом тебя лечить.

- Да зачем тебе всё это? Весь этот головняк? Почему ты возишься со мной?
- И ведь правду сказать было невозможно. Всю правду. Поэтому сказал только часть:
- Потому что ты моя. Проголодаешься – буду кормить, простынешь – лечить.
- Не надо меня лечить, – буркнула она, но уже без прежней злости.
- Тогда пошли, – предложил я.

И мы снова двинулись в сторону бабушкиного дома. Я взял Настю за руку. Сначала она напряглась. Идти было недалеко, но я чувствовал её тепло. А ещё – как постепенно расслабляются её пальцы в моей ладони.

Сначала она держалась напряжённо, готовая в любой момент вырваться. Потом немного ослабила хватку. А у последнего перекрёстка я вдруг понял, что она не просто терпит мою руку, а держится за неё сама.

- Я не поворачивался и не смотрел на неё. Боялся спугнуть.
- Но внутри всё пело. Пело и искрило.

Генеральша

У нас в районе всё близко. ТЦ, Дом творчества и рынок в середине. От них, как круги на воде, строились жилые кварталы. И теперь мы тоже оказались ровно с другой стороны нашего района.

Старенький дом. Такая же серая панелька, как наша. Но в этом подъезде было чисто, сухо, не пахло ни сигаретами, ни кошками. На подоконниках стояли цветы на кружевных салфетках. И пахло не перегаром, а выпечкой.

Пока мы вытирали ноги о лежащий у входа коврик, я сначала затормозила. А потом застыла как вкопанная, не в силах сдвинуться ни на шаг.

– Не могу, – выдохнула еле слышно.

Я видела, что моё сопротивление начинало надоедать. Антон сдерживал эмоции, но моя неуверенность его раздражала. Это было понятно, но я не могла справиться со страхом. Он раздирал мою грудь, сжимая горло.

– Что? – спросил Малинин.

– Не могу, – повторила я. – Не зайду.

– Настя, мы пришли. Сейчас бабушка пришлёт молнию – и всё.

– Ты не понимаешь! – выдохнула я. – Это же бабушка! Твоя бабушка! Она будет на меня смотреть, думать: кто я, зачем с тобой, почему ты меня привёл? А у меня пуховик старый, ботинки ободранные и вытянутый свитер.

– Ты красивая, – перебил он.

У меня перехватило дух. Он что? Он правда?.. Я? Красивая?

– Красивая, – повторил он, словно не слышал моих возражений. – Бабушка увидит красивую девушку, у которой сломана молния. Всё. Идём.

Он взял меня за руку и потянул внутрь, но я не могла идти. И вместо того чтобы снова начать уговаривать, Антон присел и взвалил меня на плечо, как мешок. А потом, перепрыгивая через ступеньки, словно я ничего не весила, взлетел на второй этаж.

Я растерялась. Кричать было неловко, поэтому я просто молотила его по спине. Он остановился у дальней от лестницы квартиры. И едва поставил меня на ноги, нам открыли.

На пороге стояла пожилая женщина в свободных брюках и кофте шоколадного цвета. Её волнистые пепельные волосы были зачёсаны назад. На нас она смотрела поверх съехавших на кончик носа очков.

– Явились, доброе утро, – сказала она, кивнув Антону и переведя взгляд на меня. – Через Камчатку шли, или что?

На претензию внук среагировал спокойно.

– Молнии в ТЦ не было. Пришлось топать на рынок. Хорошо, что ты сказала, где фурнитура. Нашли быстро. Спасибо, ба.

Женщина, которую язык не поворачивался назвать старушкой, отступила вглубь коридора.

– Здравствуйте, – промямлила я, пытаясь одной рукой пригладить растрёпанные волосы, стянув шапку другой рукой.

– Проходите уже. – И, когда Антон схватил меня за руку и завёл за собой, спросила:

– Та самая?

– Угу.

– А чего бледная такая?

– Боится.

– Ме-е-еня? – с деланным возмущением спросила женщина.

– Тебя, – ответил Антон, закрывая за мной дверь.

Бабушка хмыкнула и посмотрела мне прямо в глаза.

– Это правильно. Я страшная. Меня даже управдом боится. Называет генеральшей. Кстати, я Тамара Васильевна.

– А я Настя.

– Вот и будем знакомы. Проходи. Показывай какое горе с твоей молнией.

Мы ещё немного потолкались в прихожей, а потом Антон потянул меня в зал. Там уже была разложена швейная машина на столике у окна.

Я открыла рот, но ничего не сказала. Горло перехватило. Квартира была маленькой, но чистой. Пахло домашним уютом. На полу ковёр, в стенке хрусталь.

Всё как когда-то было у нас. Сейчас ничего общего с этой квартирой не осталось. Здесь всё было странно. И развесистые цветы на окнах, и книги в шкафу. Хотя что я знала о нормальном?

В последний раз меня звали в гости, когда мне было лет восемь или десять. Теперь я и понятия не имела, как живут другие люди. Ну, те, которые нормальные. Не как мы.

На душе стало тяжело. Я так глубоко ушла в себя, что не услышала часть разговора. Антон тронул меня за рукав вытянутого свитера, и я успела выхватить недовольный голос Тамары Васильевны:

– ...знала! Нитки вам и в голову не придёт купить. Так что достань ящик с катушками. Я пока посмотрю молнию.

Я протянула ей одежду. Она разложила её на свободном от машинки участке стола. Провела пальцами по месту с выломанными зубьями. Насупилась.

– Только менять. И долго ты так ходила, Настя?

– Нет, – соврала я.

– Понятно. Значит, долго. – Она недовольно поджала губы, поправила очки на место. – А что сама не пришила?

Ответить было нечего. Когда сломалась молния, денег не было нисколько. Вчера заплатили за подработку, но я сразу купила еды. И, честно говоря, снова ничего не осталось.

– Не успела.

Тамару Васильевну мой ответ не впечатлил. Она оглядела меня осуждающе с макушки до пяток. От её цепких глаз не укрылись ни вытянутый линялый свитер, ни брюки на два размера больше, ни носки разных оттенков.

– Сама вошьёшь? – кивнула она в сторону машинки.

Я в ужасе отшатнулась. Я в последний раз шила в школе. Там были обычные ручные машинки. Но это когда было? Лет пять назад. А тут электрическая, дорогая. Вдруг что-то сломаю.

Отрицательно мотая головой, я сделала шаг назад.

– Нет! Что вы!

– Не умеешь или боишься? – не отставала от меня женщина.

– Ба, да чего ты к ней пристала. Видишь же, мы с тобой Настю насмерть перепугали. Ещё вопрос, и она в обморок хлопнется, – встрял Антон, ставя на стол картонную коробку с аккуратной надписью «нитки». – Она не успела подготовиться к визиту.

– Не успела она! – фыркнула Тамара Васильевна. – Можно подумать, я успела! Ни причёску не сделала, ни пирог не испекла к вашему приходу. Чем вас угощать? Я-то на диете сижу, всё похудеть мечтаю. А вам что к чаю дать? Ну не варенье же? А получается – я или у машинки, или на кухне. Пуховик важнее. Но и с чаем нескладно получилось, конечно.

Она снова поджала губы и, открыв коробку, начала подбирать нитки нужного оттенка. Я ей была неприятна, но и помочь эта женщина не отказалась. Не успев подумать, я предложила:

– А давайте я испеку пирог или печенье, – сказала и застеснялась. Постаралась сразу же исправить ситуацию. – Это если удобно. Ну, и если есть продукты. А если нет, то и не надо.

Антон с Тамарой Васильевной переглянулись и повернулись в мою сторону. Внук с гордостью, его бабушка с облегчением во взгляде.

– Яйца и молоко в холодильнике, – сказала бабушка. – Мука и сахар в шкафчике у окна. Иди, Настя. Покажи, что умеешь.

Это звучало грубовато, но благожелательно.

– Если испортит продукты – вычту из твоих карманных, – сказала она внуку, напустив на себя строгий взгляд.

Антон засмеялся.

– Ба, у меня нет карманных.

– Значит, будешь должен. Только помни, я принимаю исключительно наличные!

Я улыбнулась и пошла на кухню. Но продолжение разговора слышала.

– Эта Настя из двадцатой?

– Да.

– Ты знаешь, что там... – Она не договорила.

Я замерла.

– Знаю, – твёрдо ответил Антон. – И мне плевать.

– Ну, тебе жить, – откликнулась Тамара Васильевна.

Я прикусила губу и вошла на кухню, делая вид, что ничего не слышала.

Сердце колотилось где-то в горле. В груди пекло.

Здесь пахло домом. Но домом чужим, в котором были свои законы, а мне места не было.

Бисквит

В крохотной кухне было уютно. Шкафчики под дерево. Короткие занавески, клеёнка на столе в тон к ним. Ничего лишнего, но сразу понятно, что и где лежит. В маленьком ящичке ложки и вилки, в большом – прихватки и венчики.

На столе солонка, сахарница и трёхлитровая банка с квашеной капустой. Недавно нарезанной, ещё не просолившейся. И запах соответствующий. Уютный, тёплый, вкусный, совсем не как у нас.

– Чего застыла? Не нашла холодильник?

Слова были грубоватыми, но я видела, что Антон не хочет обидеть. В его глазах было что-то другое. Беспокойство? Не обо мне же?

– Нашла. Только нехорошо хозяйничать без спросу.

Едва протиснувшись мимо Антона, который и не подумал сдвинуться в сторону, вернулась в зал. Тамара Васильевна сосредоточенно потрошила мой пуховик, орудия похожим на раздвоенное шило приспособлением.

Я остановилась в дверях.

– Простите, а вы не могли бы мне дать те продукты, которые планируете потратить на выпечку и посуду, чтобы я не заглядывала в ваши шкафчики?

– А что так? У меня и в шкафчиках порядок. Мне стыдно не будет.

– Всё равно, лучше вы своей рукой дадите, чтобы я не хозяйничала на вашей кухне. Мало ли. Вдруг захотите потом яичницу, а я лишние яйца истрачу.

Тамара Васильевна посмотрела на меня поверх очков. Отложила пуховик и двинулась на кухню.

– Ты готовить-то умеешь или рецепт дать? – спросила она.

– Умею. – Губы сами растянулись в улыбке. – Я на поварском и кондитерском деле обучаюсь. Технологички враз запоминаю. Пекли как раз на прошлой неделе. Меня хвалили.

Тамара Васильевна качнула головой. Её Антон пропустил на кухню беспрепятственно, а мне снова преградил дорогу. Пришлось протискиваться у самой стены, а потом показать ему кулак за спиной. Ну что за детский сад?

Тамара Васильевна моментально выложила на стол миску, венчик, муку. Она раскрыла холодильник, и я застыла. Там было лучше, чем в Лувре. Кастрюльки с супом и вторым. А ещё, чего у нас не было никогда, творог, сыр, молоко, кефир, масло, немного колбасы.

Я слишком громко сглотнула от внезапно проснувшегося голода. Бабушка Антона заметила, но комментировать не стала. Выставила на стол яйца с молоком. Антон подошёл сзади. Не вприпрыжку, но я отчётливо чувствовала его спиной.

– Тебе что надо? – уточнила у меня грозная бабуля.

– Это смотря что вы хотите. Если из песочного теста, то ещё масло или маргарин. Если из бисквитного, то молоко можно убирать.

Тамара Васильевна качнула головой одобрительно. Достала растительное масло и форму для выпекания. Молоко поставила обратно в холодильник. А на плиту поставила кастрюльку с первым.

– Тогда давай готовить бисквит. А как поставишь его в духовку, покорми этого проглота. Мужики вечно хотят есть. Я не надеялась, что он соизволит так быстро навестить бабушку. Думала, пока не нагуляется, не явится, а вот поди ж ты. Уже здесь.

– Баб, ну не начинай.

– Так я ещё и не начинала! Сядете, поедите. А то сладким потом аппетит испортите. Это никуда не годится. Всё. Не отвлекайте меня.

Она решительно развернулась и едва ли не чеканным шагом ушла с кухни. Антон начал суесться. Достал хлеб из коробки на холодильнике, положил на стол две ложки.

– Погоди немного, – попробовала я его осадить. – Сначала тесто, потом еда. Неужели так проголодался? Потерпеть не можешь?

Антон уселся на табуретку ближе к выходу. Вытянул ноги, перекрыв дверной проём так, чтобы я и подумать не могла сбежать. А потом посмотрел так горячо, что меня потрянуло.

– Голоден, да. Но терплю пока. Тесто вперёд.

У меня по рукам и груди пробежали мурашки. Чтобы не выдать своего смущения, я засуетилась у стола. Подкатала рукава, проверила духовку. Зажгла газ и выставила нужную температуру.

А когда начала возиться с тестом, словно увязла в тягучем взгляде Антона. Начала тормозить.

– Не смотри на меня, пожалуйста, – попросила тихо.

– Зачем?

– Отвернись. Я не умею готовить, когда на меня смотрят.

Антон оглядел меня с макушки до пяток, усмехнулся, демонстративно отвернул голову в сторону двери. А я застыла, словно готовила в первый раз в жизни.

– Ты чего замерла?

– Думаю. А если у меня не получится пышный бисквит?

– Съедем какой получится.

– Тамара Васильевна грозилась у тебя вычесть за продукты. А у тебя же нет.

– Будут. Я же вчера только вернулся из армейки. Устроюсь на работу. Я же не тунеядец. Молодой, силы есть. Я готов пахать. Но с бисквитом старайся. А то бабушка правда вычтет из моих карманных.

Я фыркнула. Неловкость немного отпустила.

– У тебя же нет карманных.

– Это же грозная Тамара Васильевна. Она найдёт. У неё талант.

– Тогда отворачивайся. Буду тесто делать.

Антон снова послушался. Я смазала форму. Разбила яйца, постепенно засыпая сахар, орудовала венчиком. За стенкой было или совсем тихо, или начинала строчить машинка. Но как-то медленно и недолго.

– Ты чего замерла? – не оборачиваясь, спросил Антон.

– Ничего. Думаю.

– О чём?

Я помолчала. Потом решила:

– О том, что ты здесь. Что я здесь. Что твоя бабушка, – я запнулась. – Она ведь не обрадовалась, когда ты сказал, кто я.

Он повернулся.

– Настя.

– Отвернись! Я сказала – не смотри!

Он засмеялся, но послушно отвернулся.

– Моя бабушка, – сказал он, глядя в коридор, – прожила тяжёлую жизнь. Она видела всякое. И если она не выгнала тебя сразу – значит, ты ей понравилась.

– Она спросила про мою квартиру. И не договорила.

– Потому что она тактичная. В отличие от некоторых.

– Это ты про себя?

– Это я про тебя. Делаешь вид, что мешаешь тесто, а сама допрашиваешь меня с пристрастием.

Я улыбнулась и продолжила мешать. Тесто получалось жидковатым. Я добавила муки. Потом ещё. Кажется, переборщила. Замерла на секунду. Посмотрела на Антона. На широкие плечи, длинные ноги.

Красивые руки. Никогда не замечала, что у парней могут быть такие. У Владика из нашей группы тонкие, почти девичьи. У Малинина не такие. Мощные, крепкие. Готовые ко всему, как и он сам.

– Ты правда такой? – начала я и осеклась.

– Какой? – не поворачивая головы, спросил Антон.

– Ненормальный.

Он засмеялся.

– Правда. Твой ненормальный.

– Ты не мой, и я не твоя. Мы договаривались. Я здесь только чтобы решить проблему с пуховиком. Ты обещал, что будет только это.

– Остальное бонусом.

– Ты непробиваемый.

– В этом смысл.

Я отвернулась к плите, чтобы он не видел моего лица. Потому что щёки горели, и было непонятно, зачем ему такая проблемная. «Мужу нужна хорошая жена», как сказала соседка, которая видела, как я тащу пьяного отца с лестницы.

Я тогда промолчала, а сейчас была с ней согласна. Какая из меня жена? Я даже кухни нормальной не видела. Да и не увижу теперь долго. Только в колледже.

Вылив тесто в форму, я поставила разогревать суп и начала мыть посуду. Мы молчали, пока из часов на стене не выскочила кукушка.

Я автоматически считала сигналы, но птичка кукукнула только один раз. Один! Половина десятого! Я охнула и заметалась по кухне.

– Что случилось? – Антон вскочил на ноги.

– Я не успела! Сейчас у Севки закончились занятия, а мне его не в чем забирать! Его одного нельзя отпускать! Он сбежит куда-нибудь.

– Так давай я его заберу.

– Ты? Моего брата?

Это было не просто непонятное. Это было что-то совершенно нереальное.

Я замерла. Смотрела на него и не узнавала. Этот человек, который свалился на мою голову только вчера, а сегодня уже предлагал пойти за моим братом. За чужим ребёнком.

– А что? Он меня видел, не испугается.

– Он не пойдёт с чужим человеком!

– Я не чужой. Позвони, скажи, что разрешаешь.

– Да куда? В рельсу? У меня телефона нет!

Я едва не расплакалась. Для меня ситуация была совершенно безвыходной. Но Антон думал иначе. Он принёс лист и ручку.

– Напиши записку. Где Дом творчества, я знаю. Если прочитает записку и не захочет идти, я позвоню бабушке. Она даст тебе трубку, и я дам вам поговорить.

Я смотрела в его глаза. Спокойные. Уверенные. И вдруг поняла: он правда пойдёт. И правда приведёт Севку.

– Дом творчества, – зачем-то ещё раз сказала я. – Тренер Марат Ринатович. Скажешь, что Настя Сиротина попросила забрать.

– Разберусь.

Он предупредил бабушку и быстро натянул на себя пуховик и ботинки. Протянул руку к двери.

– Антон!

Он обернулся.

– Если что-то случится...

– Не случится. – Он улыбнулся. – Я быстро. Ты не успеешь испугаться.

– Я уже.

– Тогда и переживать не о чем.

Он подмигнул и выскочил за дверь.

Я осталась одна. На чужой кухне. С бисквитом в духовке и диким сердцебиением.

Минуту назад я доверила брата чужому человеку. И это было страшно и приятно одновременно.

Бабушка

Сначала я стояла у окна и смотрела, как Антон бежит в сторону Дома творчества. Когда он исчез за поворотом, я начала убирать. Работать проще, чем ждать. Меньше страшных мыслей.

Вытерла со стола. Перемыла посуду. Подмела пол. А перед глазами стояла картина, как на меня посмотрел Антон и шагнул за дверь. Как это у него получается? Просто взял ответственность за чужого ребёнка.

Господи, пусть с ними всё будет хорошо!

Сердце ещё колотилось где-то в горле, когда я шагнула к окну.

– Настя. Иди сюда. Поможешь.

Я вздрогнула. Обернулась.

Тамара Васильевна стояла в дверях. Она кивнула и, не дожидаясь, когда я последую за ней, двинулась в комнату, захватив с собой табурет. Поставила его к торцу стола, приглашая меня сесть именно туда.

Ближе, чем на диван.

Разложила мой пуховик. С одной стороны у него была почти уже до конца вшита молния. А с другой она была старой. Как и сам пуховик. Но Тамара Васильевна разгладила его полы бережно, без отвращения.

Я села. Руки сами потянулись к пуховику, но я их отдернула. Не хотела испортить что-нибудь в шитье.

– Видишь? – Тамара Васильевна ткнула пальцем в левую полу. – Здесь я уже распоролла и частично вшила. Буду продолжать. Если отпороть сразу всё, ткань расползётся, трудно будет собрать ровно. Я распарываю понемногу и вставляю так же. С одной стороны уже заканчиваю, а ты начинай вторую. Будешь выпарывать старую молнию с этой стороны. Аккуратно, чтобы ткань не порвать. Поняла?

– Поняла.

Она протянула мне маленькие ножницы и двузубую тонкую вилку. Один её кончик был острым, а второй заканчивался красным шариком размером с мелкий бисер.

– Это распарыватель. Им удобнее. Сначала поддень несколько стежков, а потом тяни за верхнюю нитку, обрезая нижнюю. Смотри как.

Тамара Васильевна распоролла три шва, вытянула хвостик верхней нитки и обрезала нижнюю. У неё очень быстро получалось. Легко. Но я брала инструмент с опаской.

Опозориться перед бабушкой Антона не хотелось. Я попробовала начать разрезать нитки, и у меня получилось!

– Так и дальше делай. Как выпорешь первые пятнадцать сантиметров, покажи. А я пока с другой стороны прострочу.

Она поправила очки и склонилась к машинке. Я кивнула и уткнулась в пуховик. Работали молча. Первые мои движения были неуклюжими. Распарыватель то и дело соскальзывал. Я боялась пропороть ткань. Делала всё медленно.

– Смелее, – не поднимая головы, сказала Тамара Васильевна. – Ткань крепкая. У меня такой же. Уже почти семь лет ношу, три молнии сменила, и хоть бы хны. И твой выдержит.

Я улыбнулась. Сама не заметила как.

Постепенно я приноровилась. Нитки лопались, старая молния отделялась от ткани с тихим шуршанием. В комнате было тихо. Только стучала машинка и шелестела ткань.

– Ты давно печёшь? – вдруг спросила бабушка.

Я подняла голову. Она всё так же сидела, склонившись над машинкой, и не смотрела на меня.

– Лет с двенадцати. А теперь в колледже. Там тоже много часов выпечки.

Пауза. Машинка застрочила быстрее.

– А дома кто готовит?

Я замерла. Вопрос простой, но ответа на него не было.

– По-разному, – сказала я честно. – Когда мама, когда я.

Договаривать, что это если есть из чего, не стала. Но Тамару Васильевну ответ удовлетворил. Она снова уткнулась в строчку. Закрепила шов сверху, прошла второй раз, вшивая молнию.

– Ты сильно на мать похожа. Та была такая же красавица. Весёлая. Задорная. За ней всё Серёжка Рылин ухлёстывал, но она выбрала не его. Тот так горевал, что ночевал на лавочке перед подъездом. Цветы таскал охапками. Но она их из окна швыряла. Тот помаялся да уехал. А Ольга выскочила за Валерку Сиротина. Серёжка Рылин вернулся в город уже бизнесменом. Вот такая жизнь. Ты его и не знаешь, наверное. Он теперь хозяин «Вернисажа».

Я замерла. Рылин, который приходил к нам за папиным долгом. Это никогда не заканчивалось хорошо. Мать рыдала, отец получал по лицу. При виде его машины у подъезда я сворачивала в сторону. Значит, это не просто так. Значит, старая история. Значит...

– Настя, ты чего застыла? – окликнула бабушка.

– Ничего, – соврала я. – Нитка запуталась.

Тамара Васильевна говорила, не отрываясь от машинки. Было видно, что ей есть что сказать, но разговор она не продолжила. Я выдохнула и снова уткнулась в шов. Распоров пятнадцать сантиметров, показала ей результат.

Она кивнула и перевернула пуховик. Взяла мой край, чтобы вшивать молнию. Мне отдала обрезать нитки и вытаскивать намётку. Мы работали молча. Я выпарывала, она вшивала. Иногда наши руки встречались, как в танце. Было ощущение, что мы это делали вместе уже много раз.

Получалось ровно. Казалось, что эта молния была в пуховике всегда.

– Вы хорошо шьёте, – сказала я тихо.

– Я плохо шью, – фыркнула Тамара Васильевна. – Просто я шью всю жизнь. Это разные вещи.

Я улыбнулась.

– А вы научились тоже у кого-то?

– У матери. А она у своей. – Она подняла голову, посмотрела на меня поверх очков.

– У нас, знаешь, всё в семье шили. Не от хорошей жизни. От бедности. А потом привыкли. Полюбили это дело. Я себе даже электрическую машинку купила. С ней удобнее.

Я молчала. Смотрела на её руки. Старые, морщинистые, с выступающими венами. И такие ловкие.

– А тебя не учили? – спросила она.

– Нет. У нас... – Я запнулась. – На трудах мало было часов с шитьём, а дома не до того было.

– Понимаю.

И опять замолчала. Я снова взялась за распарыватель. Нитки лопались одна за другой. Я освободила следующий участок для вшивания молнии. Его перехватила Тамара Васильевна.

– Ты знаешь, Антон у меня один. И он с детства такой. Упрямый. Если что решил – не переубедишь. И если он за тобой пришёл – не отстанет.

Я сглотнула.

– Я не знаю, зачем ему это, – ответила честно. – Я ничего такого не делала. Я ничего с ним не планирую. Просто...

– Главное, что он планирует, – перебила бабушка. – Иногда этого достаточно.

У меня защипало в горле. Я быстро опустила голову к пуховику, потёрла нос, чтобы не расплакаться. В дверь позвонили. Тамара Васильевна посмотрела на меня, потом на часы – и вдруг всплеснула руками:

– Настя! Бисквит!

Я побежала на кухню. Сердце колотилось, но не от того, что я забыла про бисквит, и даже не потому, что вернулись Антон с Севкой. Я радовалась, что этот разговор закончился.

Потому что я могла разреветься. А плакать при бабушке Антона я не хотела. Она ко мне по-доброму, а я тут ненадолго. Не надо откровенничать.

Имитация семьи

Я вбежала на кухню и, схватив прихватку, распахнула духовку. Бисквит был готов – румяный, пышный, с золотистой корочкой. Только один край чуть темнее, чем надо. Я выдохнула. Не пригорел, просто загорел. Немного.

Теперь надо было аккуратно вынуть корж из формы. Я старалась. Делала всё аккуратно, чтобы не испортить вид. Хотя умом понимала, что прячусь. Не знаю, как реагировать, как встречать, что говорить.

Пока я перекладывала бисквит на блюдо, в коридоре уже грохотали шаги и голоса. Но я старалась не поворачивать в их сторону голову. Просто слушала.

– ...а он говорит: «Молодой человек, а вы кто такой?» А я ей: «Я от Насти Сиротиной». А он: «А, Настя! Это та, которая вечно опаздывает?»

– Она не вечно! – возмутился Севка.

– Я сказал, что ты сегодня по уважительной причине. Слышишь, Насть?

Они ввалились разом, заняв всё пространство коридора перед кухней. Румяные с мороза и озорные. Готовые к свершениям, подвигам и шуткам.

Я уже и не помнила Севку таким. Только хмурым и сдержанным. А сейчас он отпихивал руку Антона и рвался ко мне с новостями. Торопился поделиться чем-то потрясающим.

– Настька! – заорал брат. – Антон знает Марата Ринатовича! И Марат Ринатович сказал, что он раньше тут тренировался! Представляешь?!

Я замерла с блюдом в руках.

– Тренировался?

– Ну да, – Антон стянул куртку, повесил на крючок. – Я в этом Доме творчества лет с семи занимался. Пока на учёбу не уехал. Марат Ринатович – мой первый тренер. Мы с ним полчасика поболтали, пока Севка переодевался.

Севка проскользнул ужом и, жестикулируя, едва не выбил у меня из рук блюдо с бисквитом.

– Он сказал, что Антон очень перспективный был! – Севка аж подпрыгивал от возбуждения. – И что, если он захочет, может приходить тренироваться! Взрослую группу набирают!

– Сева, уймись, – я постаралась утихомирить брата, ставя бисквит на стол. – Дай человеку раздеться, прийти в себя.

– Да ничего, – Антон улыбнулся. – Приятно, когда тебе так рады. А ты рада?

Он посмотрел на меня. Тепло, искренне, по-домашнему. У меня в груди защемило. Захотелось так всегда: ждать их на кухне, печь пироги. Я даже головой покрутила, чтобы сбить наваждение.

– Рада. – Я снова отвернулась к плите, выключая газ и ставя форму в раковину. – У меня бисквит допёкся. Как раз вовремя. Сейчас дошьём молнию и пойдём домой.

– И что? Даже чаю не попьём?

У Севки были глаза спаниеля, которого не кормили неделю. Я открыла рот, чтобы осадить брата, но за спинами парней прозвучало командирское:

– Попьём. От меня без чая ещё никто не уходил. Пуховик готов. Можешь принимать работу.

– Так быстро? – изумилась я.

– Да там уже немного оставалось. Мы же основное вдвоём сделали. Пойдём, посмотришь. Но в зал мы пришли вместе. Тамара Васильевна вручила пуховик, и я его тут-же застегнула. Выглядело идеально. Я провела руками вдоль замка и с жаром поблагодарила:

– Спасибо вам огромное! Как тут и была!

– Значит, теперь можем идти пить чай. Но сначала приведём в порядок квартиру. Вы, молодёжь, – она кивнула в сторону меня и внука, – идите накрывать на стол. А мне тут помощь посерьёзнее нужна. Даже не знаю, справимся ли мы с тобой, Всеволод.

Брат приосанился. Расправил острые плечики, вскинул подбородок.

– И не с таким справлялись! – важно ответил он, а потом огляделся вокруг. – А чё надо делать?

Мы все рассмеялись.

– Сначала надо узнавать, что тебе предлагают, а только потом соглашаться. Но у Марата Ринатовича слабаки не учатся. Думаю, что ты справишься.

Тамара Васильевна показала Севке на коробку с нитками, и он начал помогать. Меня же Антон взял за локоть и потянул в сторону кухни. Я вырвала руку и отстранилась. Зыркнула на него сердито.

Он пожал плечами и пошёл следом.

– Коробку с сервизом достань сверху! Только его вымыть надо. Пыль там, наверное, слоем в три пальца.

– Ого, как вы бабушку впечатлили. «Сервиз хочет поставить на стол», – заговорщицки прошептал Антон. – Мне на проводы в армию и то не достала.

– Я слышу! – прокричала бабушка из зала. – Вы тогда в такой кондиции были, что и железные кружки могли пострадать. А сейчас достань, и без комментариев.

– Будет сделано, мой генерал! – ответил Антон совершенно серьёзно, и мы захихикали, стараясь сдержать смех.

Мы выглядели как двое заговорщиков. Пока мыли тончайшие фарфоровые чашки, переглядывались и снова начинали хихикать. Работали слаженно. Но когда я проходила к столу, Антон шагал ближе, чтобы я его задела.

Я показала ему кулак. Но эта игра в кошки-мышки и меня раззадорила. Меня будоражило уворачиваться от его выпадов. Вроде бы в этом не было ничего опасного, но и безобидной игрой я это назвать не могла.

Это было что-то другое. Не грубое, а затягивающее, соблазняющее. И когда мы накрыли на стол, отодвинутый Антоном, оба были раздумавшимися и возбуждёнными, словно пробежали стометровку.

Тамара Васильевна шла в комнату, громко разговаривая с Севкой. Было ощущение, что она не хотела нас застукать за чем-то неприличным. От этой мысли мои щёки залило румянцем.

Усевшись у торца стола, генеральша отправила брата мыть руки. Он сделал это с такой скоростью, словно только опустил руки в воду. Крутился рядом, пытаясь ухватить кусок побольше. Антон разливал чай.

– А чего бисквит с краю тёмный? – любопытничал Севка.

– Потому что я про него забыла, – честно ответила я.

– Это она про нас волновалась! – Севка толкнул Антона локтем. – Да?

– Волновалась, – подтвердил Антон серьёзно. – Я видел. Она у окна стояла, пока я за угол не завернул.

Я сделала вид, что очень занята раскладыванием ложечек.

– Насть, дай мне самый загорелый, – попросил Севка. – Я люблю такое.

– Мы в гостях. Каким кусочком хозяева угостят, такой и будешь есть. Скажи спасибо, что тебя за стол позвали.

– Спасибо, – вдруг серьёзно ответил Сева. – Я уже давно Настину выпечку не ел. Могу и подгоревшее съесть.

Мне стало неловко.

– Не подгоревшее, а карамелизированное, – поправила Тамара Васильевна. – И вообще, не придирайся к хозяйке. Она старалась.

– Да я не придираюсь! Я наоборот! Если он вам не нравится, я могу весь съесть, честное слово!

Мы засмеялись. От Севкиной неожиданной непосредственности стало легко и спокойно. И только Антон, бесконечно прижимающий мою ногу своей, сбивал меня с серьёзного настроения.

Я смотрела на них и не верила. Мы сидели за одним столом – я, Севка, Антон, его бабушка. Ели суп. Пили чай с бисквитом, который я испекла. Смеялись над Севкиными глупостями.

Это было так... обычно. Так нормально. Так... по-семейному.

У меня защемило в носу. Я быстро сделала глоток чая.

– А правда, что ты тренироваться пойдёшь? – спросил Севка у Антона, прожевав очередной кусок.

– Подумаю, – ответил тот. – Работу сначала найду.

– А кем ты будешь работать?

– Юристом.

– Это который в суде выступает?

– Ну, типа того.

– Круто! – Севка аж засветился. – А меня научишь?

– Чему? В суде выступать?

– Нет! Рукопашке! Марат Ринатович сказал, что у меня хорошо получается, только заниматься надо больше, а ты бы мог...

– Сев, – одёрнула я. – Не навязывайся.

– Да ничего, – Антон улыбнулся. – Приходи как-нибудь, покажу пару приёмов.

– А когда?

– Севка!

И все снова засмеялись.

И я вдруг поняла, что это выглядит как семья. Что у нормальных людей так бывает, что они пекут бисквиты, достают сервиз и редкое виноградное варенье и болтают за столом. Ни о чём.

И от этого становится легко и светло на душе. И можно снова разбегаться по важным делам, или даже неважным. Это легко, когда знаешь, что есть с кем вот так сидеть за столом.

И ещё я поняла, что у меня не так. Меня впустили в чужую семью погреться. Это было понарошку. Игра в семью. И теперь надо было возвращаться в мир, где у меня было что-то другое. Вернее, где у меня ничего не было.

И от этого стало больно.

Провожать не надо

На бабушкиной кухне было хорошо. Тесно, очень скромно, но так душевно, как никогда не было. Может, только в детстве. Я словно только сейчас домой вернулся, а не когда меня встретили мама и друзья.

С Настей мы бесконечно сталкивались ногами под столом. Я старался прикоснуться, она отстранялась. Когда отступать было уже некуда, она вскакивала подлить чаю или подрезать бисквита.

Это так будоражило, что и чая не хотелось, и пирог в рот не лез даже с виноградным вареньем. Она мне нравилась. Не так. Мне нравилась ОНА. И от этого ломило между ног и в груди сворачивалось тугим узлом чувств.

Севка доедал третий кусок и довольно размахивал руками. Бабушка пила чай, делала вид, что не смотрит на нас, но я-то знал, что она всё видит. Замечает и делает выводы. И мы пока сидим за столом, а не выбегаем за дверь под грозным взглядом.

И пока мы пинались ногами под столом с Настей или пикировались с Севкой, всё было хорошо. Соседка улыбалась, хмурилась, смущалась, но была живая. Искренняя и несгибаемая. Желанная.

А потом вдруг погасла. Опустила взгляд. Перестала сопротивляться моему стремлению прижаться. Я тут же перестал напирать. Увидел, что ей не до того, и мои попытки приблизиться могут ранить.

Она сжалась и опустила взгляд в чашку. Затихла. Посидела молча и безучастно несколько минут. Потом посмотрела на нас с тоской и тихо сказала:

– Спасибо вам. За всё.

– За что? – удивилась бабушка.

– За молнию. За чай. За то, что пустили.

Бабушка посмотрела на неё поверх очков. Долго. Внимательно. Я замер. Знал этот взгляд – она человека насквозь видит. И вердикт может быть жёсткий, болезненный. Она никогда не церемонилась и не жалела, если знала, что права.

– Ты всегда можешь прийти, – сказала бабушка просто. – В любое время. Поняла?

Настя кивнула. Так сильно сжала губы, что они побелели. Я понял – ещё секунда, и разревётся. И будет чувствовать себя ещё хуже из-за того, что опозорилась. Надо было заканчивать чаепитие.

Я встал.

– Нам, наверное, пора. Спасибо, ба.

– Спасибо, Тамара Васильевна, – Настя тоже поднялась, потянула Севку за рукав.

– Спасибо! – гаркнул Севка с набитым ртом, и я едва сдержала улыбку. – А чего мы уходим? Бисквит же ещё есть!

Мы засмеялись.

– Я вам его с собой заверну. Мне сладкое нельзя, так что будете меня спасать от угрозы диабета.

– Но как же... – начала Настя. – Может, Антон съест. Ему же можно.

– Ему нельзя, – отрубила бабушка. – Там мать наготовила. Мне ещё прилетит, что утром у меня чай пил. А кому нужны проблемы с его матерью? Мне уж точно нет.

Настя приняла всё за чистую монету, но я видел дрогнувшие уголки губ бабули. И я готов был сгрести её в охапку и расцеловать за тактичность. Потому что никакого диабета у бабушки не было, и бисквиты она любила.

Но, глядя на вытянутый старенький свитер Насти, на попытки Севки запихнуть полкуса пирога в рот разом, я точно знал – им нужнее. Радостнее. Вкуснее.

В прихожей я помог Севке застегнуть куртку. Настя натянула свой пуховик с новой молнией, которая застегнулась с мелодичным «вж-ж-ж-ж». И у меня на душе было светло. Правильно сделал.

– Ещё раз спасибо. – сказала Настя, открывая дверь.

– Идите уже, – махнула рукой бабушка, всунув в Настины руки пакет с остатками бисквита. – А то вы мне всю квартиру выморозите, и Сева уснёт на ходу.

Я обнял бабулю, и она махнула рукой.

Спускались молча. Севка впереди, прыгал через ступеньку. Я смотрел на Настю. Она – себе под ноги. На улице Севка сразу побежал вперёд. Мы шли медленно. Я ждал, когда она заговорит. Она молчала.

– Хороший день, – сказал я.

– Угу.

– Ты чего?

Она остановилась. Я тоже. Смотрел на неё.

– Насть?

Она подняла голову. Посмотрела на меня. Глаза – как два озера, зелёные, глубокие. И столько в них всего намешано, что у меня самого внутри всё перевернулось.

– Спасибо, – сказала она. – За сегодня. За бабушку. За Севку. За всё.

– Не за что.

– Есть за что, но мне, кроме спасибо, нечем благодарить. И её, – её лицо стало решительным. – Не надо меня провожать.

– Но, – начал я, но Настя сердито перебила.

– Мы же договаривались. – Голос дрогнул, но она заставила себя говорить твёрдо. – Ты помогаешь с молнией – и всё. Больше ничего.

Я молчал. Просто смотрел на неё.

– Ты помог. Спасибо. А теперь... – она сглотнула. – Давай в разные стороны. Провожать не надо.

Развернулась и пошла, почти побежала. Быстро. Слишком быстро. Я видел, что ей физически надо было вырваться. Убежать от меня. От себя. От того, что начало бурлить между нами.

– Настя.

Не остановилась.

– Настя, стой!

Пошла ещё быстрее. Севка уже скрылся за поворотом.

– Настя, чёрт возьми!

Я догнал её в три шага. Схватил за руку. Развернул к себе и увидел в глазах страх.

– Ты чего?

– Я сказала. – Она вырвала руку. Глаза злые, мокрые. – Мы договаривались. Ты обещал, что будет только молния.

– Я обещал?

– Да!

– Я обещал, что будет только молния? – Я смотрел ей в глаза, не отпускал. – Настя, я сказал, что мы идём чинить молнию. Я не говорил, что после этого исчезну.

– Ну так скажи сейчас, что исчезнешь. – У неё тряслись губы, но она держалась из последних сил. – Скажи, что мы больше не увидимся. Что всё было просто так. Что я тебе никто. Скажи!

У меня внутри всё горело и плавилось! Неужели непонятно, что мы друг для друга? Что я не отступлюсь. Но и ломать было нельзя. У неё и так уже всё вдребезги. Поэтому я молчал.

Смотрел на неё. Видел, что она готова оттолкнуть меня, лишь бы не надеяться. Лишь бы не обжечься. А у меня были другие планы. И отпустить её я не мог. Физически не мог!

– Не скажу, – ответил я тихо. – Потому что это будет неправда.

Она закрыла глаза. Снег падал на лицо, таял на щеках. Красивая. Господи, какая же она красивая!

– Антон, – выдохнула она. – Ты не понимаешь. У меня Севка, у меня мать с отцом. У меня долги. У меня Рылин этот, который, – запнулась, дёрнула головой. – Я не могу. Понимаешь? Не могу я ни с кем. Ничего у меня не может быть. Ничего хорошего.

Я шагнул ближе. Совсем близко. Чтобы она чувствовала – я здесь. Настоящий. Не уйду.

– Я не прошу у тебя ничего. Просто хочу быть рядом. Помогать. Просто быть.

– Да зачем тебе это?

– Затем, что ты мне нравишься, – сказал я просто. Как есть. Без дураков. – Очень.

Она открыла глаза. Полоснула свирепым взглядом.

– Уходи, – ответила она. – Мне не нужны отношения. И ты не нужен. И не нужно, чтобы обо мне трепались после твоих провожалок. Тебе всё равно, а мне от этого плохо будет. Поэтому давай в разные стороны. – И уже с мольбой в голосе: – Не порти мне жизнь. Пожалуйста! Не теперь! Отец увидит меня с тобой – убьёт! А соседи разнесут сплетни, и в квартале будет не пройти!

В её взгляде было столько боли, что внутри всё горело желанием схватить и утащить к себе.

Она уже плакала.

– Пожалуйста, отпусти!

Слёзы капали на пуховик. Вязаная шапка сбилась назад, на непослушную гриву волнистых волос сыпал снег. Я сжал кулаки и ответил:

– Прямо сейчас провожать не буду, потому что ты просишь. Но ты моя. Я тебя не отпущу. И вариантов тут нет никаких. Просто готовься принимать это как должное. Иди.

Она хотела спорить, но, увидев в глазах мою решительность, кивнула и побежала догонять Севку. А я понял, что больше её не отпущу. Просто не смогу.

Не цепляет

Ночной клуб «Метро» гудел и пульсировал. Музыка долбила так, что вибрировал воздух в лёгких. Цветные лучи шарахались по залу, выхватывая из темноты танцующие тела. Пахло духами, алкоголем и сексом.

Мы прошли в вип-зону. Данила уже махнул знакомому, нам принесли напитки. Я взял джин-тоник, просто чтобы было. Смотрел на молодёжку вокруг и видел пропасть между нами: моё нищее начало и их золотой безлимит.

– Смотри, – кивнул Данила.

Повернув голову в сторону стойки, я увидел двух девушек. Светленькая в коротком блестящем платье смеялась, запрокинув голову. Вторая – тёмненькая, с длинными гладкими волосами, поскромнее, но тоже симпатичная.

– Лерка и Кристина. Лерка – огонь, без тормозов. Крис – шикарная, но с характером. Какая нравится?

Я пожал плечами. Они были хорошие. Ещё вчера утром я бы клюнул. Повёлся бы даже на блонди. Потому что дембель раз в жизни. Потом будут рутина и битва за капитал, а сейчас гормоны и пьянящий воздух гражданки, и не только он.

Сегодня они были просто приятными. Не цепляли ни поодиночке, ни оптом.

– Никакая, – отхлёбывая из высокого бокала, ответил я.

– Блин, Малинин, ты чего? Расслабься! Живи сейчас, отрывайся! – Данила хлопнул меня по плечу и мотнул длинной тёмной чёлкой. – Четыре года в универе, год в армейке лямку тянул. Дембель – это круче звёздочки на погонах! Ты заслужил полный оттяг!

Стас с русым коротким ёжиком волос, сидевший напротив, усмехнулся в стакан. Он вообще был спокойнее, основательнее. Всегда таким был. Когда все куда-то неслись, он анализировал, крутил варианты. Были бы возможности, и вышка у него была бы.

Но не сложилось. Зато сложилось другое. Его прикид отличался от моего в цене раз в десять, если не больше. Но Стаса не вело от возможностей. Он налил себе вискаря и откинулся на диван, наблюдая за залом, словно уже привык ко всему этому.

К роскоши.

– Не лезь к нему, – сказал он Даниле. – У каждого свой темп. Присмотрится, потом сам выберет.

– Ага, присмотрится он. – Данила нетерпеливо мотнул головой, словно и сам торопился к барной стойке. – Да пока он присматривается, всех клёвых разберут!

Я молчал и скользил взглядом по колышущемуся морю танцующих тел. Они пульсировали в такт музыке. На танцполе мелькали тела, руки, волосы. Красиво. Маняще. Никак.

Внутри ничего не откликалось, не звало, не цепляло.

Вернулся к барной стойке. Блондинка с короткой стрижкой уже флиртвала с каким-то парнем в джемпере со светящимся в ультрафиолетовых всполохах прожектора рисунком.

А я видел тесную кухню. Взъерошенного Севку с набитым ртом. Бабушку, разглядывающую нас поверх очков. Настю. Зелёные глаза, в которых всё: радость, страх, симпатия, осторожность. То, чего хватит на десять жизней.

– Ма-ли-ни-и-ин, – Данила пощёлкал у меня перед глазами пальцами. – Ты вообще здесь? Лерку уже зацепили! Надо было начинать с неё. Стартовать с простого и улыбчивого, а потом уже уходить в высший класс. Но уже не судьба.

– Они годные, – поддержал Стас.

– Из всех присутствующих? – уточнил я только для того, чтобы поддержать разговор.

– Из доступных за деньги, – ответил Стас, отхлёбывая из бокала.

– Они проститутки, что ли? – не удержался я.

Стас сделал ещё глоток. Они переглянулись с Данилой. Но продолжать диалог взялся русоволосый крепыш.

– Они нормальные, но лучше заплатить. Потому что не надо тебе сейчас головняка. Войди тихонько в жизнь. Подыши на расслабоне. Потом найдёшь такую, чтобы топать дальше. А пока: заплатил, оттянулся и забыл. И не напрягайся. Мы спонсируем праздник.

– Ни в чём себе не отказывай! Деньги есть! – поддержал Данила.

Внимание друзей льстило и бесило одновременно. Не надо мне всё это. Я кожей чувствовал, как не вписываюсь в эту жизнь. Что пока моя одежда, скорость и пристрастия из другой обоймы.

– Так! Хватит! – Данила тронул меня за плечо. – Крис идёт сюда. Улыбнись хотя бы. Глянь, какая шикарная!

Я поднял голову. К нам на высоченных каблуках, плавно виляя бёдрами, шла тёмненькая от стойки. Сначала она показалась мне скромнее блондинки. Но когда посмотрела на меня хорошо отрететированным взглядом, я понял, как ошибся.

Кристина подошла к нашему столику. Улыбнулась. Красивая. Ухоженная. Взгляд оценивающий, но заинтересованный. И цепкий. Хваткий. Правое бедро вперёд, цок, левое, цок. Как костяшки счётов: фигура, одежда, взгляд.

К моменту, когда Кристина остановилась возле нас, она подвела таблицу моих активов. Наклонилась встав так, чтобы вырез платья остался многообещающим при демонстрации потенциала.

– Привет. Ты Антон? Много о тебе слышала, – проворковала она, умудрившись говорить тихо в грохочущем зале.

– Привет, Кристина.

Я встал и помог ей занять место рядом с собой на диване. Она оценила. Улыбка стала мягче.

– Говорят, ты из армии вернулся, герой.

Она подхватила бокал с малиновым шипучим коктейлем. Скользнула тонкими пальчиками с алым маникюром по кожаной поверхности дивана и затормозила, поймав мой взгляд. Умная.

– Не герой. Просто служил.

Она придвинулась ближе, но не вплотную. Не прикоснулась, но это всё равно было плотнее, чем мне хотелось. Ближе, чем надо. С ней всё было немного слишком: сладкий дорогой запах, яркий маникюр, пухлые губы.

Я отодвинулся, делая вид, что устраиваюсь удобнее.

– Может, потанцуем? – предложила она.

Данила, сидящий напротив, активно показывал, что девушку надо обнять. Подсказывал, как с ней надо обращаться. А зачем такая девушка, о которой у многих есть представление?

Я поморщился, пытаясь скрыть раздражение.

– Не хочется что-то.

Она нахмурилась. Посмотрела на Данилу, тот пожал плечами.

– Ладно, – Кристина плавно встала, демонстрируя все свои достоинства. – Если передумаешь – я у стойки. Подожду минут тридцать.

– Лучше не трать на меня время.

Кристина пожала плечами, ещё раз метнув вопросительный взгляд, и ушла. Данила раздражённо мотнул головой и уставился на меня:

– Ты чего? Такая девушка, а ты...

– Не моё, – отрезал я.

– А что твоё?

Я промолчал. Взял стакан и протянул в сторону друзей.

– За дембель.

– За дембель! – откликнулись парни.

Мы выпили. Джин-тоник ободрал горло ледяными пузырьками. Стас хлебнул вискаря, прищурился. Прокомментировал спокойно:

– Тогда ищи ту, которая зацепит. Главное, не нацепляй.

Мы рассмеялись разом: Данила заливисто, Стас покровительственно, я за компанию. Потому что меня уже зацепили – и так глубоко, что было не соскочить.

Витрина

Стас кивнул официантке. Та моментально принесла напитки. То, как она смотрела на друзей, говорило о многом. И что они здесь уже бывали и друг друга помнили, и что она им симпатизировала и была бы не против.

Причём я совершенно не понимал, кто именно нравился девушке. Официантка призывно улыбалась и Стасу, и Даниле. Те отвечали понимающими кивками и маслеными взглядами.

То ли решив продолжить разговор, то ли чтобы покрасоваться перед выставяющей на стол закуски и обновляющей напитки официанткой, Данила продолжил:

– Да ты посмотри вокруг! Тут столько девчонок! Выбирай любую! Можно сказать, здесь витрина города!

Друг кивнул в сторону танцпола и подмигнул официантке. Та рассмеялась и медленно двинулась от нашего столика к бару. При этом она так двигала бёдрами, что меня едва не укачало.

– Оставь его, – ответил Стас. – Видишь, человек не врубился ещё. Ему время надо.

– Время? – Данила развёл руками. – Жизнь проходит, пока он время ждёт! Смотри, какие девушки! Что тебе не так?

Всё не так. Потому что не она.

Я смотрел на танцпол. Лерка уже отжигала в центре, парни вокруг неё вились. Красиво. С тем, кто подходил к ней у барной стойки она уже вовсю сосалась. Его руки прижимали девушку так, словно они были вдвоём в спальне.

– Тебе надо сейчас выбирать одноразовую. Чтобы всё умела и не делала голову. Встречаться, когда тебе надо, и в хорошем настроении. А то только пересеклись, а уже: где был, с кем разговаривал, почему поздно. И вишенкой на торте: что принёс и у меня голова болит.

Стас презрительно скривился. И мне в его голосе слышалась горечь. Сквозь алкогольные пары я сумел ухватить мысль, которая почему-то мне не пришла в голову раньше.

– А у вас-то с девчонками что? Вы себе выбрали?

Данила рассмеялся. С видом победителя кивнул в сторону танцпола.

– Все наши, Тоха! Вон с той, в серебристом, я мутил. Зачётная. Рыженькая в блестящем только с виду огонь, а в постели рыба снулая. Лежит и глазами хлопает. Брюнетка с длинными волосами манерная. Здесь не бери, тут мне больно. Короче, одни заморочки. Мы тебе лучших подогнали. Лерчика ещё с этого типа снять можно. Соглашайся.

– Погодите, – у меня в голове всё перемешалось.

Было ощущение, что катер поднял со дна ил, и она ещё не осела. Я пытался разглядеть золотую монету в самом низу, но её закрывали мутные волны и блики на поверхности.

– Вы-то уже освоились, устроились и не бедствуете. Постоянные девушки у вас есть?

Данила заливисто рассмеялся, тряхнув смоляной чёлкой.

– Ну не-е-е-ет! Чтобы добровольно в кабалу? Это без меня! Ищите дурака в другом месте. Я пока ещё не нагулялся, а значит, все девчонки мои.

– Все из тех, кто даёт за деньги?

– Именно! – обрадовался моей догадливости Данила. – Заплатил – и тебе не делают мозги! Это ж чистое удовольствие!

У меня в голове заискрило. Покупать девочку? Это что, шутка такая?

– погоди, погоди. А ты, Стас? У тебя кто-то есть? Ты же вроде не по этим оплаченным? У тебя вроде бы Катюха была?

Лицо друга исказила судорога.

– Была да сплыла, и вспоминать нечего. Из здешних вон Лерчик и Крис. С этими хорошо.

Он опрокинул в рот свой бокал без тоста. Что у него стряслось с Катюхой, неизвестно. Только не радовало это Стаса. Не избавился он от неё. Страдал ещё. Но признаваться не собирался.

Может, она его бросила? Такого упакованного и крепкого. Девчонки любят подкачанных. Характером не сошлись или случилось что-то. Но расспрашивать я не рискнул. Видел, что там ещё болит нестерпимо.

К нашему столику подошла девушка в красном платье, с длинными волнистыми волосами.

– Привет, – она скользнула взглядом по всем троим, остановилась на Стасе. – Скучаете, мальчишки? Может, потанцуем?

Мой спокойный друг долил себе вискаря, опрокинул его в рот и встал.

– А почему нет, красавица? Потанцуем!

Стас сразу взял девицу за талию и повёл в гущу колышущегося в такт музыке моря человеческих тел.

– Ты его про Катюху не спрашивай, – привлёк моё внимание Данила. – У него с ней полный разрыв.

– А случилось что?

– Да конченная она. – Он повертел в руках полупустой бокал, словно решая, допить или оставить. – Пока девчонка хочет, чтобы ты говорил ей, какая она клёвая, всё нормально. А вот когда начинает указывать, куда тебе ходить, с кем говорить и у кого работать, начинается треш. Сиди рядом, смотри в глаза, с этими не дружи. Короче, без вариантов.

– И никак решить не получалось?

– А как решишь? Не замуж же её брать.

Данила расстроено допил своё пиво. Зацепил кусок кальмара в кляре и потянулся к следующему бокалу. Мне стало интересно. Неужели так всё изменилось за это время? Я же приезжал с учёбы на каникулы. Только в армейке был безвылазно год.

– А почему не замуж? – спросил я.

Данила поперхнулся закуской.

– А на фига? – Друг реально выглядел ошарашенным. – Когда вокруг столько вкусного? Добровольно сесть на диету? Ну уж не-е-е-ет! Не дождётесь! Туси, пока молодой! Не теряйся. Вот какие тебе нравятся? Ты скажи, я тебя сориентирую. Ну? Какие?

Данила кивнул в сторону танцпола. Там и правда была витрина. Яркие девчонки на любой вкус: блондинки, брюнетки и рыженькие. Они двигались в такт музыке. Извивались и завлекали. Но я видел не их.

Перед глазами стояли зимняя улица, падающий снег, съезжающая назад вязаная шапка. Раскрасневшиеся от упрямства и мороза щёки. Волосы, непослушным водопадом лежащие на плечах. И глаза.

Зелёные, манящие, бездонные. В которых отчаяние и надежда смешались одновременно с яростью и тоской. И в которых искренность, какая есть. Без блестящих платьев и каблуков.

И меня цепляла только она. А одноразовое не интересовало в принципе. Только друзьям этого было, похоже, не объяснить.

Домой

Догоняя Севку, я старалась скрыть следы слёз. Бежала, вытирая их ладонями с лица и стараясь сдерживать дыхание, чтобы не разрыдаться сильнее. На бегу это выходило плохо.

На светофоре догнала и прижала к себе брата. Тот зыркнул на меня исподлобья и сделал вид, что не заметил слёз. Молчал. Но долго сдерживаться не смог. Только загорелся зелёный, начал приставать, и я едва не застонала от злости.

– А где Антон? Он же шёл нас провожать.

– У него дела.

– Он же обещал!

Надо было сказать, что у него дела. Что пообещал перед Тамарой Васильевной, а сам и не собирался. Так Севка бы разозлился и перестал спрашивать про Малинина. Но я не смогла.

– Это я его попросила не провожать нас.

– Зачем? Он же хороший. Он мне понравился.

– Затем! – резко ответила я. А когда увидела, что брат прикусил нижнюю губу, сжалилась. – Не надо провоцировать родителей.

Севка понимающе кивнул и некоторое время шёл молча. Но, разумеется, не выдержал.

– Насть, а у них всегда так чисто? – Севка шёл рядом, задрал голову, и смотрел на меня снизу вверх. В его глазах ещё горела радость от похода в гости, которую я так отчаянно пыталась сейчас забыть. – Я сначала думал, что протёрли к нашему приходу, а потом посмотрел – у них всегда так. Даже носки чистые остались без тапочек.

Я промолчала. Что ему ответить? Он и сам всё знает, просто разница между «у нас» и «у них» с каждым днём всё сильнее. Мой ответ только добавит горечи к той, в которой мы живём последние годы.

– А чего мы так быстро ушли? – не унимался он. – Там же ещё варенье было! Ты видела, какое варенье? Из винограда! Я такое никогда не пробовал! А Антон сказал, что у него бабушка всё умеет! И вяжет, и готовит, и на машинке этой шьёт. Ты видела, как у неё ловко выходит?

– Видела.

– Ага!

Он подпрыгнул, пытаясь достать рукой до обледеневшей ветки. Снег посыпался ему за шиворот. Меня тоже обсыпало. Но, глядя на улыбающегося брата, я готова была вытерпеть и не такое. Хотя для порядка одёрнула:

– Сева! Ну осторожнее!

– И ещё он сказал, что может меня тренировать! Представляешь? Марат Ринатович сказал, что у меня получается, а Антон вообще офицер! Он меня научит так, что я всех во дворе сделаю! Я к нему пойду, и он мне покажет приёмы!

– Никуда ты не пойдёшь, – отрезала я, глядя себе под ноги. – И никакой он тебе не Антон. Он сосед. Просто сосед, который один раз помог. Ты же знаешь, как это бывает. Их всех хватает, чтобы помочь и забыть. Такая одноразовая история. И у Антона так же. Он как все.

Севка сбавил шаг. Посмотрел на меня исподлобья, прищурившись по-взрослому.

– А чего он тогда с нами чай пил? И тебя за руку брал? Я видел. Под столом.

Мне стало неловко.

– Не выдумывай.

– Я не выдумываю! – Он насупился. – Так всё и было! Ты краснела как помидор. Я видел!

– Я не краснела!

– Я видел, видел! – Он топнул ногой и поправил съехавшую с плеча сумку с формой. – И он на тебя смотрел! Не как другие! Но не лез и гадостей не говорил. Он хороший!

У меня в груди стало больно. Не просто жарко, а словно сердце выдирали наживую. Я резко развернулась к брату. Остановилась. Севка тоже замер, нахохлился, втянул голову в плечи.

Приготовился к тому, что сейчас будет взбучка. И от этого стало ещё противнее. Ему всего десять, а он привык, что будет плохо. Ждал только плохого. И крохотную сегодняшнюю радость от чаепития мне надо было разбить на кусочки, чтобы не обольщался.

Слова обжигали горло. Рвали сердце. Но убивать надежду надо было сразу и без жалости. Надо. Иначе не выжить.

– Слушай меня внимательно, – сказала я как можно спокойнее. – То, что сегодня было – это просто вежливость. Тамара Васильевна починила мне молнию. Пуховик не был готов, поэтому тебя встречал Антон. Мы поблагодарили. Всё. Понял?

Брат молчал. Смотрел исподлобья.

– Понял, я спрашиваю?

– Понял, – буркнул Севка.

Он дёрнулся в сторону, отвернулся и пошёл дальше, со злостью пиная носком ботинка куски льда. Они разлетались в разные стороны. Бахали об обледеневшие сугробы с боков.

Я догнала брата. Хотела взять за руку, но он отдёрнул. Обиделся. Глупый. Маленький ещё, чтобы понимать, как устроена жизнь. Что такие, как мы, не задерживаются в таких домах, как у Тамары Васильевны. Что это была случайность.

Ошибка. Иллюзия. Благотворительная акция «пригрей котёнка, тебе воздастся».

До подъезда шли молча. Было тягостно видеть, как погас Севка. Он бывал радостным и взволнованным очень редко. Теперь у него было гораздо меньше поводов лучиться от счастья.

Подъездная дверь открылась с трудом, а потом так шарахнула тугой пружиной, что я вздрогнула. Звук получился гулким и таким же мерзким, как грохот крышки гроба. Не дождётесь!

В подъезде пахло куревом и кислятиной. У меня было ощущение, что это я так воняю. Мне стало противно, но, переставляя механически ноги, я догнала брата на втором этаже.

Севкин запал закончился. Теперь он просто плёлся на пятый этаж. Согнулся под ношей сумки. Но не она его тяготила, а жизнь, заложниками которой мы оказались. И с каждым шагом он становился меньше, тусклее.

Проходя мимо двенадцатой квартиры, где жили Антон с тётей Валею, брат внезапно пнул коврик с надписью «добро пожаловать» так сильно, что он отлетел к стене с электрическими счётчиками. Без единого звука.

Я вернула коврик обратно. Выровняла.

Кинулась за Севкой. Хотела отчитать, но, наткнувшись на взгляд, полный отчаяния и невыплаканных слёз, осеклась. Он всё знал. Долбить не было никакого толка.

У двери в квартиру брат остановился. Я тихо открыла своим ключом. Прислушалась. Вдохнула запах перегара. Он приводил в чувство после милых чаепитий лучше холодного душа. Но надежда ещё была.

Мы тихо, стараясь не шуметь, вошли в тёмный коридор. Я прикрыла дверь и только тогда отпустила защёлку. Медленно, чтобы не издавать ни звука, начала открывать молнию.

Но это было напрасно. На кухне звякнул чайник и чиркнула спичка. Грохнул по полу отодвигаемый от стола табурет. А потом отец грубым, каркающим голосом рявкнул:

– Настька, падла! Живо сюда!

Я помогла раздеться Севке и, подтолкнув его в сторону детской, шагнула к отцу. Глава семьи сидел, привалившись спиной к грязным обоям, и было понятно, что уже напился. Его мутные глаза повернулись в мою сторону. Перед отцом стояли початая бутылка и пустой стакан.

– Ну, – выдохнул он перегаром, когда я подошла ближе, шаркая стоптанными тапочками, – рассказывай. Что за хрен вчера меня на лестнице вязал? Думал, приснилось. А сегодня двинул рукой и вспомнил. – Он сплюнул под ноги. – Ты что? Хахаля завела, который меня домой не пускает? Вконец охренела?

На сладкое

Квартира была мерзкой. Она мне напоминала скорлупу яйца на помойке. Когда-то в нём теплилась жизнь пушистого птенца. А теперь его и снаружи, и изнутри залило помоями и забило грязными навозными жуками.

Вонь дома стояла невыносимая. Она была в нос перегаром, кислятиной, чем-то пригоревшим и протухшим луком. Занавески на окне были такого же цвета, как и всё вокруг. Грязного.

– Ты что с хахалем твоим, который меня домой не пускает? – переспросил отец, когда я подошла ближе.

Уйти было невозможно. Надо стоять до тех пор, пока не отпустит. Иначе будет скандал. Снова вломится в нашу комнату, напугает Севку. Ничего, я потерплю. Сжав кулаки, ответила ровно:

– Нет у меня никакого хахаля.

– А как они теперь называются? – не унимался он. – Трахари?

– Пап, это наш сосед с третьего этажа.

– Не свисти. Нет там таких.

– Есть теперь.

Мать ввалилась на кухню шаркающей походкой. В замызганном халате, с растрёпанными волосами и перекошенным лицом. Мне вспомнились слова Тамары Васильевны о том, что мать была красавицей.

Теперь она была помятой. Это относилось не только к халату. На лице отпечатались складки подушки. Волосы на затылке были приплюснуты, как у старой куклы. Ни грамма красоты, веселья и задора.

Бабушка сказала, что я на неё похожа? Меня передёрнуло.

– Чё? – не понял отец.

– Через плечо, – вяло огрызнулась мать, проходя мимо меня к столу. – Дай сюда.

Она взяла бутылку водки и придвинула стакан к краю. Рука дрогнула. Резко пахнувшая жидкость выплеснулась через край.

– Куда льёшь? – заорал отец.

Он протянул руку к бутылке. Дёрнул на себя. Мать не стала спорить. Схватила стакан и крупными глотками выпила водку. Шумно уткнулась в руку и вдохнула.

Меня чуть не вывернуло наизнанку. Какой чай? Какие салфетки? Виноградное варенье? У нас и яблочное закончилось лет десять назад. Я помнила это время, но уже не верила в его реальность.

Мать прошаркала дальше. Рухнула на стул возле неработающего холодильника. Повернулась в нашу сторону. Пока отец из горла пил водку, договорила:

– Это Вальки Малининой сынок тебя вчера скрутил.

– Так он же щенок ещё. Сколько ему? Лет пятнадцать?

– Больше, – мать отобрала у него бутылку и приложила сама. – Он Настьки нашей лет на пять старше. Значит, чё? Где-то двадцать три?

– Да ну! Это бугай какой-то! – не поверил отец. – Это Настькин хахаль, я тебе говорю!

– Да мало ли чё ты говоришь! Я сама вчера шла мимо их компании. Они между третьим и четвёртым квасили на подоконнике! Ты уже на рогах волокся, не заметил!

Я смотрела на этих несвежих безумных людей, и моё сердце разрывалось от боли. Это моя семья. Они же не были такими! Любили друг друга. Тамара Васильевна говорила, что мать выбрала отца, хотя и другие претенденты были!

Мне было невыносимо смотреть на этих неменяемых людей. Захотелось хоть каплю семейного тепла. Я достала из пакета два кусочка бисквита и, положив их на тарелку, поставила перед родителями. Оставшийся кусочек замотала пакетом.

Они замерли, словно не веря своим глазам.

– Эт чё? – спросила мать сипло.

– Бисквит, – ответила я, двигая в её сторону тарелку. – Угощайтесь.

Мать схватила кусок пирога и с жадностью, почти не прожёвывая, начала есть. От зарумянившегося кусочка сыпались крошки на неё, на стол, на липкий, давно не мытый пол.

И снова к горлу подкатила тошнота.

– О, нормально, – пробормотала она, продолжая жевать. – Откуда такая роскошь? Деньги завелись?

В груди заскребло. Признаваться в том, что это пекла я, и мы были с Севкой в гостях, а тем более у бабушки Антона, было опасно. К тому же и не хотелось. Казалось, если я расскажу – предам что-то светлое в этом дне.

– В колледже пекли. Остатки дали, – вырвалось у меня.

– Хотя какая-то польза от тебя есть. А то я уж думала, ты совсем бестолочь выросла. Как папаня твой, – она кивнула на отца, облизала пальцы и вытерла их об халат.

– Заткнись, – огрызнулся тот, жуя свой кусок. – Слышь, – отец ткнул в меня пальцем, едва не попав в лицо. – Если я узнаю, что ты там с кем-то шляешься и мне дорогу переходишь – убью. И его, и тебя. Поняла? Мне дочь-шлюха не нужна.

– Валера, да успокойся ты, – мать закурила, стряхивая пепел прямо на пол. – Чего ты к ней пристал? Она же дура ещё, не понимает. А если и приведёт кого в подоле, – она хрипло засмеялась, и смех этот прозвучал как удар хлыста, – то выгоним обоих. Или ты думаешь, я с твоими вырожденками нянчиться буду? Ага, щас!

Они начали говорить о своём, и, увидев, что ко мне у них больше нет вопросов, я выскользнула из кухни. Зашла в детскую, закрыла за собой дверь на щеколду. Прислонилась головой к крашеной поверхности.

Мне было невыносимо горько после тёплого завтрака и душевных разговоров окунуться по макушку в смрад ежедневной жизни. Хотелось сбежать отсюда немедленно.

Я даже потянулась снова к щеколде, но в этот же момент почувствовала, как к моей спине прижался Севка. Уткнулся головой между лопаток. Маленький дрожащий комочек. Это меня привело в чувство.

Мне плохо? Я уже взрослая лошадь, а вот у Севки детства нет, не было и уже не будет. Его глаза блестели, но брат не плакал.

– Насть, – прошептал он. – А бисквит? Ты зачем им отдала? Он же наш!

Мне было неприятно от всего сразу. И от этого «им» особенно.

– Они наши родители. Семья.

Севска то ли всхлипнул, то ли фыркнул. Я вздохнула. Достала из пакета остатки бисквита. Дрожащими пальцами протянула Севке. Глаза брата стали бездонными. Словно я подарила ему самолёт.

– На, – сказала еле слышно. – Ешь. Только тихо.

Он взял обеими руками. Разломил пополам и вернул мне мою часть. Со своей сел на матрас у стены, поджав ноги. Начал есть. Маленькими кусочками, тщательно пережёвывая и не теряя крошек. Стараясь растянуть удовольствие.

Закрывал глаза, когда жевал, будто пытался запомнить этот вкус надолго. Улыбался. А я смотрела на него и чувствовала, как внутри разливается жгучая боль.

Я села рядом и откусила небольшой кусочек. Сладость бисквита смешалась во рту с солью слёз. Потому что я понимала: вкус закончится, и продолжится обычная жизнь без просветов и сладостей.

И особенно горько было оттого, что в ней нет ни Антона, ни его бабушки, ни чаепитий с сервизом. А есть только матрас, грязная кухня и страх попасть под горячую руку.

На секунду вспомнился тёплый свет лампы под абажуром. Запах ванили и чистоты. Тамара Васильевна, глядящая на меня поверх очков. Прикосновения Антона под столом. Его взгляд, от которого внутри всё переворачивалось.

Я зажмурилась, прогоняя видение. Резко, до боли в глазах. Здесь этого нет. И не будет. Есть то, что есть, и с этим надо как-то жить. Выбраться самой и помочь Севке.

– А Антон всё равно хороший. Я бы хотел, чтобы мы виделись, – внезапно сказал брат. Я замерла.

В груди что-то оборвалось и рухнуло в холодную пустоту, которая была во мне всегда. Я зажмурилась изо всех сил, прижала ладони к лицу и вжалась в стену. Чтобы не закричать. Чтобы не разреветься в голос. Чтобы не испугать Севку.

Я тоже хотела. Я тоже хотела, чтобы мы виделись, общались, встречались.

И это было самое страшное.

Поэтому я взяла себя в руки и сказала:

– Иди мыть руки и делай уроки. Будешь хорошо учиться и сам станешь как Антон.

Сева встал на ноги и поплёлся в ванную. Я смотрела ему вслед и думала, что он пока маленький и верит в счастливое будущее. А вот у меня начинали опускаться руки. Потому что я хотела вернуться к Антону, а буду тут.

И выбора у меня не было.

Первый понедельник на гражданке

Голова гудела. Вчерашний джин-тоник и сам по себе не был напитком мечты, а сейчас и вовсе вызывал только одно желание – больше не пить никогда. Сухость во рту тоже была противной.

Желая хоть немного начать двигаться, я перевернулся на спину. Тошноты не было, и то хорошо. Значит, хлебнуть водички и врываться в день. Что там сказала зеленоглазая Настя? «Ты мне не нравишься»? Понятно, что врала.

Так не смотрят в глаза, не краснеют. Не выбирают кусочек посимпатичнее. Не замирают от прикосновения, а потом сразу отводят руку, чтобы заправить непослушный локон на ухо.

Врала. Я видел, что врала. Но почему тогда ушла? Почему не дала проводить? Что значит «не нужны отношения»? А мне нужны.

Может быть, просто боится? Из-за того, что привыкла, что всё хорошее заканчивается. Потому что ей нужен кто-то, кто не просто скажет «ты моя», а докажет. Будет заботиться, а не приставать?

Я сел на кровати, потёр лицо ладонями. Значит, будем доказывать. Делом.

– Антон! Вставай давай, завтрак стынет! – мать уже гремела посудой на кухне.

Я натянул спортивные штаны, футболку и поплёлся умываться. Холодная вода взбодрила, но окончательно в чувство не привела. В зеркале отражался помятый парень с кругами под глазами.

Чтобы окончательно проснуться, сунул голову под струю воды. Короткостриженные после армейки волосы моментально превратились из тёмно-русых почти что в чёрные.

Высохнут, пока буду собираться, ничего. Надо брать себя в руки и двигаться вперёд. Поэтому я вытер волосы полотенцем и, почистив зубы, двинулся на кухню.

Мать уже разливала чай. На столе стояли тарелка с омлетом, бутерброды с сыром, варенье. Всё как я люблю. Она старалась. Всегда старалась, даже когда я был мелким. Даже когда отец ушёл, а я бесконечно ей его напоминал.

– Ешь давай, – кивнула она, садясь напротив. – Чем будешь заниматься сегодня?

– Работу искать буду, – ответил я, накладывая в рот омлет. – Учёбу закончил, профессия есть. Надо устраиваться в жизни.

– Правильно, – мать одёрнула халат, хотя он сидел идеально. – Нечего без дела сидеть. Вон, Данила со Стасом после техникума, и то уже устроились. А ты у меня с головой, с образованием. Должен не хуже быть.

Я ел не вступая в спор.

Не помогло.

– Только не вздумай не по специальности, – голос матери стал жёстче. – Или без трудовой в маленькие конторы. Ты у меня диплом получил, четыре года учился. Не для того я пахала, чтобы ты горбатился абы где.

– Мам, ты сама поешь. С работой я разберусь.

– Сам он разберётся, – фыркнула она, но без злости. Скорее с привычной ворчливостью. – Смотри мне. Ты должен выбиться в люди. Понимаешь? Ты мужчина. На тебе ответственность за семью. Сейчас девочки пойдут: то кино, то цветы. И тоже надо, никуда не денешься. Туда-сюда – и женишься. А семью кормить надо. Ты же не хочешь как отец? У него были золотые руки и голова толковая. И что? Без ответственности – ничего. А ты у меня не такой. Ты упрямый. Весь в деда.

Я слушал вполуха, дожёвывая завтрак. Мыслями я был не здесь. Я думал о том, что Настя таскает тяжёлые пакеты. Что у неё нет денег на молнию, но она просто застёгивает пуховик на брючный ремень и продолжает водить брата в секцию.

И живёт она не в розовом замке принцессы, а в двадцатой квартире с пьющими родителями. Где пахнет отчаянием и горем сильнее, чем человеческим домом. Ещё и брат маленький.

И папаня. Дядя Валера таким не был. Но теперь это был опустившийся мужик, у которого дочь за отца. И не конфеты ей нужны. У неё шапка бестолковая, всё время съезжает. А у нас холодно, можно уши застудить.

И если к Насе прийти без работы и перспектив, то у неё будет ещё один бестолковый, о котором надо заботиться. Отставить! Она и так никому не верит и ни на кого не надеется. А если я буду таким же неудачником, как её отец, она никогда не откроется.

– Ты понимаешь, что это серьёзно? Это не на один день. Ты сейчас жизнь решаешь на ближайшие лет десять, а может, и больше. К этому надо серьёзно относиться.

– Я понял, мам, – сказал я, вставая из-за стола. – Спасибо, было вкусно.

Шагнул к раковине и сразу вымыл посуду. Иначе запилит, а голова ещё тяжёлая. Не надо провоцировать. Да и армейка многому научила. Я усмехнулся про себя. Научила и посуду сразу убирать, и не слушать лишнее.

– Ты куда сейчас?

– Документы наксерю. При трудоустройстве нужны копии, а у меня нет. А потом пойду в бизнес-кафе. Там в интернете посмотрю вакансии.

Мать хотела что-то добавить, но я уже вышел в коридор, натянул джинсы, свитер. Сунул ноги в ботинки. Надел куртку и уже собирался выходить. Но мама шагнула из кухни в темноту коридора.

– Антон! – окликнула немного нервно. Было видно, что она ещё не знает, как со мной говорить, примеривается. – Возьми ключи. Я сегодня с двух. В час тридцать уже уйду.

Я выпрямился и погремел связкой в кармане. Мать качнула головой. Дёрнулась в мою сторону, но остановилась. Нахохлилась, как воробей в нелепом домашнем халате. Сложила руки на груди и буркнула сердито:

– У тебя всё получится. Ты, главное, не сдавайся.

От улыбки у меня чуть лицо не треснуло. Моя ж ты хорошая! Я кивнул и притянул мать к себе. Обнял. Она замерла на секунду и ткнулась лбом мне в грудь. Но тут же отстранилась. Снова стала строгой.

Я шёл по улице с улыбкой Иванушки-дурачка. Дома хорошо. Здесь всё знакомое, родное. И старая детская площадка с ракетой, и липа, с которой я так неудачно упал, что ногу пришлось зашивать. И школа.

Улыбка сползла с лица.

Проходя мимо забора из железных прутьев, взглядом зацепился за крыльцо. На нём Настю сердито отчитывала Елена Михайловна Болеславова. Русичка, которую мы все называли садисткой, выглядела угрожающе.

Выбор

Домой я возвращался после семи, усталый и злой. В бизнес-кафе было душно, за соседними столиками школьники ржали над видео, а я перебирал вакансии и чувствовал, как мозг закипает.

К обеду отправил двадцать четыре отклика. К вечеру – пятьдесят семь. Сначала выбирал только полностью соответствующие запросу. Но без опыта работы их было только две. Две вакансии всего!

Подростки ржали, я злился и продолжал рассылать резюме. Юрист, помощник юриста, вакансии для молодых специалистов – всё годилось. Не только город, но и ближайший пригород – тоже отправил.

Рассылал, но не верил.

В пять позвонили в первый раз. Я схватил трубку так, что чуть не уронил.

– Аллю!

– Здравствуйте, Малинин Антон Анатольевич?

– Да!

– Это компания «Юрист-Про». Вы оставляли резюме на позицию помощника...

– Да, да, я слушаю!

– Я не поняла из присланной формы, где вы сейчас работаете?

– Пока безработный. Демобилизовался из рядов российской армии три дня назад.

– А перед службой где работали?

– Учился в университете на очном.

– Понятно. – Голос девушки стал безразличным, и она отгитараторила заученное: – Мы просмотрели вашу анкету. К сожалению, у вас нет опыта работы, а нам нужен сотрудник, который сразу включится в процесс. Студентов без опыта мы не берём. Извините.

Я сидел и смотрел в одну точку. Опыт. Где его взять, этот опыт, если никого не интересуют студенты без практики? Чтобы получить опыт, надо устроиться на работу, а чтобы взяли, нужен опыт. И так по кругу.

Пятьдесят семь: ноль. Матч завершён.

Собрав свои записи и засунув их в рюкзак, отключил компьютер. Оплатил время работы и вышел на мороз. Воздух обжёг лёгкие, но голову не охладил. В ней так и осталось темно и беспросветно.

Я шёл по освещённым улицам, не глядя по сторонам. В квартале было темнее. Единственный фонарь стоял почти в самом конце дома, и, если бы не окликнули, я прошёл бы мимо курящих у подъезда друзей. Но Данила замахал рукой и завопил:

– О, Малинин! Явился! Мы тебя полчаса караулим!

– Замёрзли уже, – Стас хлопнул себя по бокам. – Ты где шляешься?

– Работу искал, – буркнул я, пожимая друзьям руки. Замёрзшие пальцы не слушались, и пришлось обниматься.

– Нашёл?

– Ноль. Везде опыт нужен.

Данила переглянулся со Стасом. Тот кивнул коротко, по-своему.

– Слышь, Тоха, – Данила понизил голос. – Есть вариант. Реальный. Можно попробовать к Рылину.

Я нахмурился. Фамилия была знакомая.

– Сергею Петровичу, – добавил Стас, затягиваясь. – Он толковых людей собирает. Вот нас взял к себе. Мы у него не в замах, но доступ имеем. Слово замолвить можем.

Было видно, что только для этого парни и пришли. Значит, дело серьёзное.

– А что за работа?

– Нормальная работа, – Данила хлопнул меня по плечу. – Оклад, оформление, все дела. Если хочешь – поговорим. Предложим, так сказать, твою кандидатуру. Он мужик нормальный, своих не бросает.

– А чужих? – вырвалось само собой.

Данила удивился:

– Чё? Нафиг нам чужие?

– Да так. Я подумаю.

– Думай, только быстро, – Стас кинул окурок в сугроб. – На места у Сергея Петровича много желающих. Могут и перехватить.

Я потёр лоб, словно пытаюсь нащупать ответ пальцами.

– Лады. Сегодня подумаю и завтра скажу.

– Добро. Тогда до завтра.

Едва мы успели попрощаться, как в подъезд юркнула быстрая тень. Я не увидел её, скорее почувствовал. Парни двинулись к припаркованной тачке, а я рванул к подъезду.

Дверь захлопнулась с противным щелчком перед самым моим носом. Судорожно нащупал ключ и ворвался внутрь. В подъезде было темно. Лампочка на первом этаже не горела. Я поднял голову и увидел быструю тень выше второго этажа.

– Настя!

Она не остановилась. Побежала быстрее. Я рванул следом, перепрыгивая через несколько ступеней разом. Догнал на площадке между четвёртым и пятым, схватил за руку, развернул к себе и прижал к стене.

– Пусти! – Она сразу дёрнулась, резко, как дикая кошка. Свободной рукой стукнула по груди кулаком. – Пусти, кому сказала!

– Не пущу.

– Ах ты ж!

Она лягнулась. Попыталась ударить коленом, но я перехватил движение, прижал бедром к стене. Она забилась, зашипела, но я держал крепко.

– Отпусти, козёл!

– Перестань брыкаться – отпущу.

– Врёшь!

– Не вру.

Тяжело дышала, глядя на меня снизу вверх. Дёргалась, пытаюсь вырваться. Глаза горели в темноте, как у кошки. Злые, бешеные, красивые. Щёки покраснелись, губы приоткрылись, дыхание срывалось.

А потом она замерла. Посмотрела в лицо с вызовом. Я отпустил её запястье, но не позволил уйти. Прижал ладони к стене. Не прикасаясь, накрыл живым коконом.

– Ты слышала разговор? – спросил тихо.

– Слышала! – ответила она хриплым шёпотом.

– Чего ты злишься? Я работу ищу, а не банду собираю.

Она рассмеялась таким злым смехом, который был больше слёз.

– Работу? Ты знаешь, кто этот Рылин? Знаешь, сколько раз я его рожу в нашем коридоре видела? Сколько раз он отца по стенке размазывал, когда тот деньги не возвращал? А ты с ним работать собрался!

– Я не знал.

– Теперь знаешь! – Она снова зыркнула дикой кошкой. – И если ты с ними – то не со мной. Точно не со мной! Так и знай!

В её голосе было столько всего намешано, что хотелось сразу всё: и успокаивать, и целовать, и спорить. А потом снова целовать. Лишь бы утихомирить и приручить. Присвоить.

Она снова рванулась. Я на рефлексх прижал сильнее. Она замерла, только грудь вздымалась часто-часто. Мы стояли так в темноте. Близко. Очень близко.

В тусклом свете с улицы я смотрел в её глаза. Зелёные, огромные, с крапинками, которые сейчас было не разглядеть, но я знал, что каждая из них на месте. И каждая настоящая.

В её глазах было всё: злость, боль, страх. И ещё что-то. То, что она прятала за этим бешенством. Она смотрела в упор. Не отводила глаз. И я чувствовал её рваное дыхание на своих губах.

Качнулся вперёд. Остановился. А потом медленно, словно натягивая струну, начал наклонять голову.

Ближе. Ближе. Ещё ближе.

Она не отворачивалась. Не закрывала глаза. Смотрела.

Её огромные глаза становились ещё больше. Делались бездонными, ясными, манящими.

Мне хотелось накинуться. Смять, прижать к себе или так придавить к стене, чтобы не было ни Насти, ни меня. Только мы. Но я выгибался изнутри, держа себя, как бешеного цепного пса за горло.

Один миллиметр.

Ближе.

Тихо. И только два шумных дыхания. Два колотящихся сердца.

И глаза.

И губы.

Её губы.

II

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.